

INSPIRIA

ПЛОХИЕ МУЖЧИНЫ

ДЖУЛИ МЭЙ КОЭН

INSPIRIA

Ток. В душе психопата

Джули Коэн

Плохие мужчины

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Коэн Д. М.

Плохие мужчины / Д. М. Коэн — «Эксмо», 2023 — (Ток. В душе психопата)

ISBN 978-5-04-199985-8

Мрачный, веселый и увлекательный триллер, исследующий вопрос: может ли серийный убийца жить долго и счастливо? Выбор книжного клуба ВВС и редакции Amazon Сэффи Хантли-Оливер — светская львица со скелетом в шкафу. Вот уже пятнадцать лет, как она выслеживает и убивает плохих мужчин — насильников, домашних тиранов, педофилов... Двойная жизнь сделала ее одинокой — тяжело ходить на свидания, когда твой парень может оказаться твоей же следующей жертвой. Но знакомство с независимым true-crime подкастером и журналистом Джонатаном Дерозье зажигает в Сэффи искорку сильного чувства. Однако и тут все очень сложно. Во-первых, Джонатан любит свою жену. Во-вторых, он тоже вычисляет серийных убийц. А в-третьих, вскоре и сам становится главным и единственным подозреваемым в убийстве, которого, по его словам, не совершал. И теперь Сэффи намерена очистить имя любимого, а заодно и отвоевать свое право на личное счастье... Любой ценой. «Чертовски хорошее чтение». — RED magazine

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-199985-8

© Коэн Д. М., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
1	11
2	14
3	17
4	20
5	26
6	31
7	35
8	38
9	42
10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джули Мэй Коэн

Плохие мужчины

© Тулаев В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Посвящается тебе. Именно тебе.

*«Куда проще представить себе убитую женщину,
нежели женщину, готовую на убийство».*

Алия Трабукко Зеран, «Когда женщины убивают»

Пролог

*Ньюпорт, Род-Айленд,
семнадцать лет назад*

Мы играем в любимую игру Сюзи: я – владелица магазина, а сестренка исполняет роль покупателя. Ее плюшевые игрушки по очереди заходят в мою лавочку и приобретают самые разные товары (из тех вещей, что находятся в спальне). Я же притворяюсь, что не горю желанием ничего продавать.

– О нет, сэр, – говорю я с притворной обидой. – Никак не могу продать вам пару носков – в нашем магазине их нет. Наверное, вы перепутали: вам нужна соседняя лавочка – там найдете сколько угодно.

– Я ведь вижу, здесь есть носочки! – густым басом возражает игрушечная овечка и кивает в сторону открытого ящика комода.

– Это не на продажу, – осаживаю я покупателя. – Не продаются ни за какие деньги.

– Но... мне нужны носочки, а здесь магазин! – мило шепелявит Сюзи.

– Это особенные носки, часть нашей драгоценной коллекции, которая останется для будущих поколений.

Сюзи хихикает и дергает одну из белокурых косичек, которые я заплела ей сегодня утром: сестренка хотела быть похожей на Хайди из новой книжки. Левая косичка еще держится, а правая почти распустилась – Сюзи постоянно с ней играет.

– Сэффи, – упрекает меня сестра, – ты должна продать мистеру Овечке то, что он просит.

Вечно она выходит из роли. Любит мной покомандовать, каждый раз говорит, что я играю неправильно. У нее в голове собственные правила, и в отличие от тех игр, которыми занимаются взрослые, я затрудняюсь определить – какие именно и как они поменяются в следующую минуту. На самом деле поэтому я и люблю с ней играть. С Сюзи не соскучишься.

– Овечка должна попросить товар, который я смогу продать, Сюзи-сан.

Домашнее прозвище для сестры выбрано не случайно – Гарольд оплачивает нам преподавателя японского языка, платит и за многое другое.

– Если я не могу купить особенные носки, – продолжает Сюзи голосом мистера Овечки, – тогда продай те, которые на тебе.

– Вот эти? – Я с негодованием вытягиваю ногу и шевелю пальцами. – Они мои. Без них я замерзну.

– А я требую!

– Сколько же ты заплатишь?

Сюзи морщит лоб – думает.

– Пятьсот долларов.

– Меньше чем за пятьсот долларов и пятьдесят центов не уступлю.

– Давай за пятьсот долларов и восемнадцать центов.

– Продано!

Я снимаю розовые носки с изображением кошечки Китти¹. Мне они не по возрасту, да и маловаты – нога за лето выросла аж на два размера. Тщательно разглаживаю – чтобы ни морщинки – и скатываю, придав им форму швейцарского шоколадного батончика.

– Только не надо снова говорить, что у тебя нет с собой денег, мистер Овечка.

Потираю пальцами в универсальном жесте: гони наличные!

¹ Также известна как Hello Kitty. Персонаж японской поп-культуры, изображается в виде антропоморфной белой кошки породы японский бобтейл с красным бантом на голове.

– Мисс Сьюзан... – подает голос появившаяся у двери Мэг. – Ваш отец просит, чтобы вы поплавали с ним в бассейне.

Моя рука со скрюченными пальцами повисает в воздухе.

– Хорошо, – отвечает Сюзан.

Поднимается, бросив мистера Овечку на пол, застеленный небесно-голубым ковром, по которому плывут белые облачка. Ковер выбрала я, когда в спальне сестры сделали ремонт: пусть воображает, что ходит по воздуху, пусть хотя бы одна из нас будет счастлива и беззаботна.

– Нет! – говорю я.

– Но я люблю плавать, – спорит Сюзан.

Любит, это правда. И плавает неплохо. Сама учила, когда Гарольд уезжал. Наш бассейн – отличное место, и в моих бедах он несколько не виноват. Просто часть дома, которая сама по себе не может быть хорошей или плохой, – смыслом ее наполняет то, что там происходит.

– Ты простудишься, – возражаю я. – Снова заболеешь, так что это не лучшая идея.

Мэг исчезает за дверью – ее функция выполнена, сообщение передано. С тех пор, как умерла мама, прислуга обрела свойство таять в воздухе. Из всех сил старается не замечать очевидного.

– Но папа...

– Скажу Гарольду, что у тебя насморк. Сядь, посмотри «Русалочку». Лучше с ним поплаваю я.

– Вечно ты одна купаешься с папочкой!

Сестра обиженно оттопыривает нижнюю губу. Щекочу ее, пытаюсь развеселить. Ура, смеется, показывая дырку на месте переднего зуба, и по-детски круглое пузико колышется под розовой футболкой. Сюзан шесть лет.

Всего шесть...

А мне было пять.

– Мы с тобой искупаемся попозже, – обещаю я. – Сыграем в Марко Поло.

– Поклянись!

– Если мистер Овечка заплатит за носки, считай, что моя клятва нерушима.

Иду к телевизору, нахожу нужный диск и нажимаю кнопку воспроизведения. Сюзан плюхается в кресло-мешок. Я наклоняюсь и целую ее в идеальный пробор, на который потратила утром немало времени. Какая нежная, невинная у нее кожа...

Бреду в свою спальню по застеленному ковром коридору. Натягиваю купальник.

Надеваю его каждый раз, хотя смысла в этом никакого – просто элемент игры, которой заставляет меня заниматься Гарольд. Правила я прекрасно знаю – не хуже, чем расположение венушек на собственной кисти или форму каждого ноготка.

Иногда он и правда плавает. Потом. Последние несколько раз я и сама не отказывала себе в удовольствии пройтись хорошим кролем из конца в конец. Показывала, что умею контролировать свое тело и дыхание, чувствую себя в воде как рыба. И вообще, знаю что делаю.

Наверное, поэтому сегодня он вызвал Сюзан, а не меня.

Спускаюсь по главной лестнице, скользя ладонью по отполированным перилам. По пути мне не встречается ни одна живая душа. Зато из золоченых рам на стенах поглядывают предки Гарольда. Хорошая половина из них похожа на него. Остальные – нет, и слава богу. Один из этих персонажей, у самого начала лестницы, позирует в жабо и парике. Степенный чопорный господин, судья. Глаза бледно-голубые, как у Гарольда, и нарисованы так, будто провожают тебя взглядом, где бы ты ни встал. Весь фокус в том, что радужка не касается нижних век, – это мне учитель рисования объяснил. Я потом намалевала десяток подобных лиц, будто следящих за тобой, и развесила их на стене в домашней классной комнате. Правда, они меня не защитили.

В принципе я запросто могла бы уехать в закрытую английскую школу – стоило только попросить, однако предпочла остаться с сестренкой. Как знала, что этот день наступит...

Я переступаю по персидскому ковру, затем шлепаю ногами по плитке. Столько раз вот так ходила – тропинку протоптать можно. Летом Гарольд в Нью-Йорке жить не любит. Обожает морской воздух, яхту и открытый бассейн во дворе – это его маленькое водное царство.

Бассейн отгорожен от дома высокой живой изгородью. Обхожу ее сбоку. Отчим уже в воде. Блаженствует в глубоком углу, у трамплина, упираясь руками в бортики, болтает ногами.

Гарольд Лион – красивый мужчина. Сто раз это слышала с тех пор, как мама вышла за него замуж. Впрочем, сама я на этот счет мнения не имела – была совсем малышкой. Шевелюра у него песочного цвета и редеть, как у предков на портретах, еще не начала. Глаза бледные, а ресницы такие светлые, что выглядят почти белыми. Он постоянно занимается своим телом, поэтому подтянут и силен. Грудь Гарольда покрыта веснушками; посередине грудной клетки поросль песочных же волос – кудрявых и пружинистых, не таких, как на голове.

Мама его любила. Я ее чувств никогда не разделяла и теперь стараюсь смотреть на отчима словно со стороны – тогда не так больно.

Услышав шаги, Гарольд поворачивается и сдвигает брови:

– Я просил прислать твою сестру.

– Сюзи ты не получишь!

Останавливаюсь в полуметре от бассейна, у самого угла. Стою, поджимая пальцы на холодном бетоне. Сегодня прохладно. Кожа покрывается мурашками; соски твердеют и торчат сквозь верхнюю часть купальника, словно пули. Груды у меня по большому счету нет. Для своего возраста я высокая, да и ноги здорово выросли, однако плавные изгибы, как говорят в журналах, еще не сформировались. Месячных у меня пока не было, хотя книжки, которые мне разрешают читать, утверждают: вскоре я ступлю на зыбкую пугающую дорожку, ведущую к взрослению.

Вероятно, поэтому Гарольд меня больше и не хочет. Скорее всего, мои показательные заплывы и любые иные меры здесь ни при чем. Дело в природе, в предопределенности, которая управляет нашим развитием.

На дворе сентябрь; листва уже желтеет. Гарольду принадлежит огромный, засаженный деревьями земельный участок – где он кончается, из окна не разглядишь.

– О чем ты? Я просто хотел поплавать.

Он ухмыляется. Именно от него я научилась особенной уловке: говоришь одно, а подразумеваешь совсем другое. Вроде как лжешь и в то же время заставляешь окружающих делать вид, что они в эту ложь верят.

– Ты не посмеешь ее использовать. Меня – пожалуйста. Даже прикинусь, что мне нравится, если тебе от этого лучше. Сюзи ты не тронешь.

– Не понимаю, что ты хочешь сказать.

– Она называет тебя папочкой, а я к тебе так никогда не могла обращаться.

– Ну да, я ведь ее отец.

– Не настоящий отец!

– Серафина, не будь такой упрямой. Приведи сестру.

– Нет!

Теперь он смотрит мне прямо в глаза, и его лицо искажено от гнева и неудовлетворенного желания.

Я сжимаю челюсти – чтобы не стучать зубами. Напоминаю себе: стыдиться нечего, я делаю это ради сестры. Никто меня не видит, никто ничего не слышит, иначе эта история кончилась бы давным-давно.

А может, и нет. Гарольд – сильный мужчина, а мы всего лишь маленькие девочки.

Он сурово хмурится. Раньше отчим меня уговаривал и задабривал. Обещал все на свете. У меня полная комната игрушек, к которым я ни разу не притронулась; в шкафчиках лежат горы шоколадок, однако я их даже не пробовала.

– Не пытайся казаться взрослой женщиной. Это просто нелепо. Посмотри на себя: кожа да кости. Кто на тебя позарится? Ты страшенькая девочка и вырастешь в страшную женщину.

А я слышу совершенно другое – то, что он говорил тысячу раз здесь, в бассейне, где его голос отражается эхом от керамической плитки.

«Моя девочка, моя маленькая красавица, моя тайная страсть...»

Представляю, как он бормочет то же самое моей сестренке, которая еще не знает правил игры. Сюзи, уверенной в том, что стоит лишь пожелать – и желание сбудется. Сюзи невинна и счастлива – все чувства напоказ, а так нельзя.

Я приседаю на корточки, отгалкиваюсь и прыгаю на Гарольда. Пусть заткнется! Растопырываю пальцы и вцепляюсь ему в лицо. В глаза не попадаю, получается лишь оцарапать ногтями щеку, зато застаю его врасплох. Он резко откидывает голову и с силой ударяется затылком о трамплин; его зубы клацают.

Раздается влажный хлюпающий звук.

Разумеется, Гарольд сильнее и больше, но я чувствую, как обмякло его тело, как оно погружается под моим весом в воду.

Хотя его голова под поверхностью, сознание он не потерял. Наверное, за годы я изучила Гарольда так, что читаю его, словно открытую книгу. Он поражен. Я сверху, и у меня преимущество: можно сесть ему на шею, сомкнуть бедра и давить вниз. Руками упрюсь в бортик и использую всю свою силу – зря, что ли, столько плавала кролем? Покажу, что я уже не та маленькая девочка...

Гарольд борется. Его пальцы судорожно хватают меня за бедра. Ну, тут ничего нового. Цепляется за низ купальника, а его затылок упирается мне в то место, которого он много раз касался с властностью собственника – словно получил на него права, женившись на маме.

Воздух выходит из его рта смешными пузырьками, словно Гарольд пускает под водой газы.

Мое хихиканье разносится в холодном воздухе. Он беспомощен – давит снизу, пытаюсь вынырнуть, а я осознаю: вот что значит *взросление*. После первых месячных мое тело станет приобретать женские формы, и тогда я смогу изменять правила. Обрету силу, которая позволит все исправить.

Чудесная наступит жизнь...

Гарольд прекращает сопротивление гораздо раньше, чем я предполагала. Еще некоторое время удерживаю под водой его безвольное тело. Разглядываю вечнозеленую тисовую изгородь. Было время – я готовила волшебные зелья: набирала банку воды из бассейна, бросала в нее красные ягоды тиса и давила их палочкой, пока на поверхность не всплывут коричневые семена, а вода не приобретет цвет крови.

Мама говорила: плоды тиса ядовиты и воду из банки ни в коем случае пить нельзя. Не догадывалась, что ее муж и бассейн куда опаснее, чем какие-то ягоды. Умерла она слишком рано. Я нашла ее в кровати – мертвую, но прекрасную. Наглоталась таблеток, сказал ее муж; сама виновата.

Вцепившись в бортик, продолжаю стискивать ногами шею Гарольда сколько могу. Потом силы кончаются, и я начинаю дрожать от холода. А душа поет.

Наконец раздвигаю бедра, которые уже сводит судорогой. Гарольд всплывает. Говорят, у него красивые плечи, шикарная шевелюра... Сейчас он расслаблен, волосы колышутся в воде, руки – как две дохлые рыбины. Мой отчим напоминает выброшенную старую куклу.

Хватаю его за пояс плавок и подтягиваю к бортику. Пытаюсь затащить на лестницу, однако над водой мертвое тело становится вдвое тяжелее. Оставляю труп плавать в бассейне лицом вниз. Он ведь всегда любил воду? Вот все и сошлось.

Минуту наблюдаю за утопленником и улыбаюсь. Сюзи сидит у себя в спальне, смотрит «Русалочку», подпевает песенке из мультфильма и надеется, что в один прекрасный день встретит сказочного принца и будет счастливо с ним жить до самой смерти.

Теперь она в безопасности.

Мне тоже следует оградить себя от возможных неприятностей. Стираю с лица радостную ухмылку, закрываю глаза и до отказа набираю воздух в легкие. С волос на бортик бассейна стекают струйки воды.

Я визжу, а затем опрометью бегу в дом. Как же, пошла в бассейн и обнаружила там утопленного отчима!

Теперь ход дальнейших событий определять буду я.

Мне двенадцать, впереди вся жизнь.

1

Лондон, семнадцать лет спустя

Меня зовут Сэффи Хантли-Оливер, и я убиваю плохих мужчин.

Разумеется, это секрет. Для всех в мире я совсем не та, кем являюсь на самом деле. Бывшая модель и, пожалуй, светская львица, хотя подобное определение – для более компанейских людей. Окончив Даремский университет, я получила диплом второго класса по истории искусств – практически обязательный атрибут для дам моего круга. На первый класс претендовать благоразумно не стала: умным женщинам доверяют куда меньше. Состою в правлении трех благотворительных фондов: один из них занимается защитой голодающих детей, второй опекает подвергшихся насилию женщин, а третий предоставляет услуги по реабилитации осликов, пострадавших от плохого обращения (тут меня долго уговаривали). Сама я законопослушная вегетарианка. Единственные прегрешения – два штрафа за превышение скорости, полученные в возрасте двадцати двух и двадцати четырех лет. К счастью, во втором случае штраф прилетел с дорожной камеры, так что полицейские не видели, какой груз лежал у меня в багажнике.

Уничтожение плохих мужчин – мое личное хобби, тайная страсть, которая дает мне силы жить, робкая попытка одиночки сокрушить институт патриархата. Дебютировала я в двенадцать лет, вышло это вроде как случайно. Потом появилась практика, и я поднаторела в мастерстве. Разумеется, фоточки в инстаграм² не выложишь, зато подобное увлечение возбуждает куда больше, чем какая-нибудь выпечка.

Вероятно, вы обо мне никогда в этом контексте не слышали, зато наверняка читали о моих жертвах. Плохие мужчины часто попадают в новостные ленты. Убийцы, насильники, педофилы, маньяки, мошенники, домашние тираны, женоненавистники, любители лезть с непрошеными советами.

Насчет последних – шучу. На всех просто времени не хватит.

Понятно, что я вынуждена держать свое пристрастие в тайне, однако зазорным его не считаю. Можно ли назвать постыдным занятие, которое приносит удовольствие и делает мир лучше? Разве Шер³ стеснялась прибегать к услугам пластических хирургов, а Долли Партон⁴ – носить парики?

Стыжусь я совсем иного. Неприятная история, хотя в ней нет ничего противозаконного. Вполне банальная, хотя и труднообъяснимая.

В общем, я влюблена.

* * *

– Что вы чувствуете, когда удается вычислить убийцу?

Джонатан Дерозье сидит в синем кресле в центре театральной сцены. Джонатан – стройный, чисто выбритый мужчина в джинсах и белой рубашке. Темные густые волосы, когда отрастут, наверняка начнут завиваться кудрями. Высокие скулы, зеленые глаза, очки.

Я заняла место в седьмом ряду. Цвет глаз отсюда, конечно, не рассмотришь. Ничего страшного: в помощь мне фотография на задней обложке его последней книги – «Без жалости».

² Здесь и далее: 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

³ Шер – певица, актриса, кинорежиссер, музыкальный продюсер и автор песен.

⁴ Долли Партон – американская кантри-певица и киноактриса, которая написала более шестисот песен и получила титул «Королева кантри».

М-да, влипла я...

Тот же самый снимок проецируется на экран в задней части сцены. Джонатан сидит ближе к переднему краю; рядом с ним – интервьюер, симпатичная молодая женщина в слишком больших для ее личика очках. Совсем юная, словно только что окончила школу. На ней цветастое платье, и производит она впечатление невинной девушки, что плохо вяжется с ее очевидной одержимостью работой Джонатана. Кстати, большая часть аудитории – женщины в возрасте от двадцати до пятидесяти лет. Самый популярный сегмент среди преступников.

– Что чувствую, когда удается вычислить убийцу? – повторяет Джонатан, и я прикусываю губу.

Впервые я с ним познакомилась на трансляции его подкаста «Хладнокровные убийцы». Ну как познакомилась? Лежала в постели, прислушиваясь к невероятно сексуальному голосу, рассказывающему о природе убийства. Крутилась с боку на бок. Было это два месяца назад, и с тех пор я не пропускаю ни одного эфира.

– Знаете, мои чувства тут особой роли не играют, – отвечает он. – Холостяк Тимоти пойман и предан суду, Эфраин Сантандер оправдан, а семья несчастной Лианны наконец получила хоть какое-то моральное удовлетворение – вот что главное.

– Да, разумеется. И все же: что ощущали именно вы?

– Хм. Давайте кое-что проясним. При аресте Холостяка я не присутствовал и признания его лично не слышал. Соответственно и впечатлений от этих важнейших эпизодов не получил. Подобный вопрос, скорее, следует задать замечательным детективам, избавившим наш город от опасного убийцы.

– Без вашего участия преступника не поймали бы. Сперва задержали невинного человека, и, похоже, полицию все устраивало. Без вас никто и не додумался бы обратить внимание на Холостяка.

Аудитория одобрительно гудит. Все слушатели Джонатана любят не меньше моего, и для меня их восторги – острый нож.

– Основная заслуга принадлежит старшему инспектору Харрисону. Он дал мне шанс, принял во внимание те улики, что удалось собрать, а потом ознакомил с ними свою команду.

– Он был другом вашего отца? Они вместе служили в столичной полиции?

– Да, верно. Мистер Харрисон – настоящий профессионал. Раскрыть преступление, сидя в кресле, теоретически возможно, однако убийцу надо еще арестовать. Полиция выполняла самую опасную работу, а я находился в полной безопасности в собственной студии, где записываю эфиры для подкаста. И конечно...

Джонатан наклоняется вперед, к залу; его движение повторяет юная девица на сцене, а вслед за ней – и я, потому что наш герой понижает голос. Боюсь пропустить хоть слово.

– ...невозможно было бы добиться успеха без семьи Лианны Мюррей. Эти прекрасные люди уделили мне немало времени. Мы часами обсуждали в мельчайших подробностях события самой страшной в их жизни ночи. Они открыли для меня свой дом и свои сердца, хотя никто их ни к чему не принуждал. Родные Лианны отдавали себе отчет: дочь уже не вернуть, но делали все возможное, чтобы привлечь ее убийцу к ответственности.

Мне вспоминается один из фрагментов подкаста, когда Джонатан посетил место убийства Лианны с ее сестрой и мамой. Он вел себя спокойно и уважительно, внимательно слушал рассказы об убитой. Джонатану было не наплевать на этих людей; он действительно переживал в себе смерть невинной девятнадцатилетней девушки, чью жизнь оборвал плохой человек.

– Мюрреям с тех пор живется нелегко, – продолжил он. – У Марсии выявили рак в четвертой стадии. Дороти каждый вечер проводит в спальне погибшей дочери – разговаривает с ней. А Холостяк Тимоти, убивший Лианну ударом монтировки, спокойно сидит в камере, изучает юриспруденцию. Мюрреи добились правосудия, и все же наказание убийцы не вернет Лианну к жизни.

Я читала в интернете, что Джонатан жертвует часть перечислений от продажи книги семье бедной девушки. Сам-то он об этом не упоминает. Хороший парень.

– И все-таки на вопрос вы не ответили, – настаивает интервьюер. – Девушка жестоко убита во время вечерней пробежки, полиция задерживает не того человека. Известный лишь в узких кругах ведущий программы о преступлениях видит: что-то здесь не так. Упорно работает, собирает улики, беседует с людьми, выходит на след настоящего преступника и убеждает полицию поинтересоваться его алиби. Арест и осуждение Холостяка Тимоти – целиком и полностью ваша заслуга. После этого случая вы становитесь самым популярным автором в области криминальной документалистики. С тех пор вам удается раскрыть еще несколько безнадежных дел, однако все началось с Лианны Мюррей и ее убийцы. Сами знаете, благодаря вашим усилиям мир становится лучше. Какие чувства вы испытываете по этому поводу?

– Самые потрясающие, – говорит Джонатан.

У нас с ним много общего. Как жаль, что он женат... К тому же ловит убийц. Увы, наш мир несовершенен.

2

К авторскому вечеру издательство предоставило целую стопку экземпляров книги и коробку гелевых ручек. Отрядило молодого энергичного человека из отдела по связям с общественностью. Его задача – передавать автору одну за другой книги с вклеенным на развороте стикером, где значится имя читателя, жаждущего дарственной надписи.

Джону надлежит перекинуться словом с каждым подходящим к столу, выслушать мнения о любимых выпусках подкаста, а иногда – о книге, которую пишет сам читатель (или желает написать). Кое-кто рассказывает об идее собственного подкаста – мол, организую, когда не буду так сильно занят. На каждом подобном вечере находится человек, заявляющий, что сам стал жертвой преступления. Эти хотят от Джона помощи в кампании по сбору средств и обычно получают предложение прислать свой вопрос в форме обратной связи на сайте. Обязательно кому-нибудь приспичит обсудить опечатку на странице двести шестнадцать последней книги. Джон просит подобные замечания направлять в издательство. Большинство, к счастью, желает лишь получить автограф на титульной странице и на разговоры не напрашивается.

А еще есть Саймон.

– Привет, Джонатан, – поздоровался он, бочком подойдя к столу.

Сегодня Саймон пришел в своем обычном наряде: бежевый пиджак поверх синего джемпера, из-под которого выглядывает воротник голубой рубашки. Волосы, как всегда, аккуратно зачесаны через лысину, ногти тщательно отполированы, лицо выбритое, розовое, в очках отражается рекламный баннер на заднике сцены.

– Вы здорово выступили, – улыбнулся он.

– Спасибо, Саймон, – поблагодарил Джон, принимая от пиарщика очередной экземпляр. – Вроде бы я видел вас совсем недавно...

– В Ноттингеме, на прошлой неделе. Вы были в тех же ботинках, что и сегодня.

– Умеете вы подмечать детали!

– И на работе так говорят. Наверное, это у нас с вами общая черта.

– Это ваш экземпляр? – удивился Джон, глянув на стикер. – У вас ведь уже есть штук пять.

– Просто поставьте рядом с подписью сегодняшнюю дату. Иду на рекорд. Помните, что мое имя можно прочесть как Саймон Саймонс, а на самом деле оно звучит...

– Да-да, помню. Саймон Симонс.

Джон подписал книгу точно так же, как и остальные:

Саймону Симонсу:

удачных вам исследований!

С наилучшими пожеланиями

Джонатан Дерозье

Добавил дату и закрыл обложку. Саймон взял книгу обеими руками, однако с места не сдвинулся, не обращая внимания на выстроившуюся за ним очередь.

– Понравилось, как вы сказали: убийство – это стечение обстоятельств, а не предначертанное судьбой событие. Считаю, что вы правы. Любой из нас в определенной ситуации может стать убийцей. Много об этом размышлял. Мой сосед...

– Тот, у которого куча кошек?

– О, вы помните! Я польщен, Джонатан. Да-да, тот самый. Вчера посчитал. Богом клянусь, там уже пятнадцать штук! Вы бы видели, сколько мисок для еды стоит у его двери, а он их даже толком и не моет. С ним явно что-то неладно. Все хочу, чтобы вы посмотрели на это безобразие и сообщили мне свое мнение.

Джон подмигнул следующему в очереди и виновато опустил уголки губ.

– Ну, если у него много кошек... Может, это хороший знак? Тот, кто держит такое количество животных, наверняка человек равнодушный. Вряд ли он станет хладнокровным убийцей.

– Да, это вроде как лежит на поверхности, и все же вспомните Денниса Нильсена с его псом Блипом и Гарольда Шипмана⁵...

– Что я могу сказать... Человек человеку рознь.

– А у вас есть домашние животные, Джонатан?

– Так получилось, что я никого не завел. Саймон, мне приятно с вами беседовать, просто люди ждут...

– О, конечно! Послушайте, Джонатан... Не сочтите за дерзость, но меня увлекла наша дискуссия. Не хотите выпить после окончания? За углом есть паб «Красный лев». По-моему, я обязан вас угостить.

Ах, Саймон, Саймон... Он все так же стискивал в руках книгу; его розовые щеки побагровели – похоже, решался давно, да все никак не мог набраться смелости.

– Простите, сегодня никак не могу.

– Наверное, вы планировали встретиться с Эми?

– Да, – соврал Джон. – Но за предложение спасибо.

Он взял новый экземпляр и ободряюще улыбнулся стоящей в очереди женщине. Та сделала шаг вперед, когда Саймон вновь подал голос:

– Что ж, хорошо. Спасибо за книгу! Думаю, увидимся в следующем месяце в Оксфорде. До последнего не был уверен, что поеду: собирался посетить концерт, однако билетик удалось продать.

– Я вам всегда рад, – отозвался Джон, уже переключив внимание на следующее имя на стикере.

* * *

Джон вылез из машины у своего дома в Шепердз-буш в первом часу ночи – после авторского вечера он заглянул в паб (правда, не в «Красный лев»). Странно, но в окнах гостиной еще горел свет. Пришлось повозиться, чтобы попасть ключом в замочную скважину.

– Детка? – подал голос Джон, снимая туфли. – Извини, задержался. Думал, ты уже спишь. Посидел после мероприятия с пиарщиком и интервьюером.

Куртку он повесил на крючок со второй попытки. Наверное, последняя пинта была лишней...

– Вымотался, чувствую себя столетним старцем. Надеюсь, ты поможешь мне прийти в себя?

В гостиной Джон ожидал увидеть включенный телевизор, бутылочку вина на кофейном столике и уютно устроившуюся под одеялом жену, но та стояла посреди комнаты при полном параде, с двумя чемоданами у ног.

– Решила не уходить, пока ты не появишься, – сказала Эми. – Не хотела оставлять прощальную записку на столике.

У него на секунду перехватило дыхание, а потом слова полились неудержимым потоком:

– Эми? Что ты задумала? Куда собралась? Я считал, что все утряслось...

– Это ты так считал и даже не спросил, что думаю я.

– Куда ты идешь?

⁵ Деннис Нильсен, Гарольд Шипман – известные серийные убийцы.

– Теперь это уже не твое дело. Коттедж записан на меня, но я не хочу оставлять тебя бездомным. На время уйду в другое место, дам тебе время подыскать новое жилье.

Она закинула сумочку на плечо, и Джон, инстинктивно сделав шаг в сторону, заступил дорогу к двери.

– Но... ты последнее время вроде была счастлива, – пробормотал он.

– Куда уж счастливее... Джон, я несчастна и одинока уже много месяцев. Не месяцев – лет!

– Из-за моей работы?

– Ты просто одержим! Ты не ходишь на работу, ты в ней живешь! Для тебя больше ничего не существует!

Он поднял руки в знак примирения:

– Погоди, это ведь несправедливо.

– Еще как справедливо! Разве мы с тобой нуждаемся? Заработали достаточно, вполне можем позволить себе отдохнуть, насладиться жизнью. Но ты постоянно торчишь в студии, прилипнув к компьютеру, или болтаешься невесть где, общаешься с разными бедолагами и оттого сам впадаешь в депрессию. И меня заражаешь. Наш дом просто переполнен чужим несчастьем.

– Нет, несправедливо! Я делаю это не ради денег. Хочу помочь людям...

– Если желаешь помочь, Джон, – стань волонтером в благотворительном фонде. Запусти марафон, построй школу в какой-нибудь глухомани. Почему бы тебе не заняться чем-нибудь подобным?

– Я не могу.

– Не можешь? Ты не хочешь, потому что вся твоя жизнь крутится вокруг убийств.

– Эми, ты просто...

– Ничего я не «просто»! Я сыта по горло, Джон!

Она указала на книжные шкафы, забитые трудами по криминалистике. По столикам в беспорядке валялись блокноты, а двадцать с лишком экземпляров последней книги Джона были задвинуты в угол.

– Ты думаешь только о мертвых. Раньше такого не было! Куда ни глянь – убийства, убийства... А я жить хочу!

Эми подняла тяжелые на вид чемоданы – неужели уходит навсегда?

– Пожалуйста, останься! Давай поговорим.

– Время для разговоров прошло давным-давно. Пропусти меня.

Он не двинулся с места.

– Я думаю не только о работе, но и о тебе тоже. Причем все время, Эмс. Если бы ты только знала...

– Если даже и так, то выражается твоя забота довольно странно, – жестко ответила жена.

– Прошу тебя... Мы сможем все исправить. Я изменюсь. Сделаю что угодно...

– Джон, боюсь, измениться ты не сумеешь.

Последние ее слова прозвучали столь грустно, что он невольно сделал шаг в сторону и позволил Эми пройти к выходу.

– Я тебя люблю, – бросил вслед Джон.

– Извини, – ответила она, открыла дверь и вышла в ночь.

3

На следующее утро он проснулся в одиночестве и долго не мог продрать воспаленные глаза. Проковылял в ванную и ополоснул лицо холодной водой, отметив, что зубная щетка Эми отсутствует. Полочка, на которой она хранила разные сыворотки и увлажняющие средства, опустела.

«Зачем столько всяких флаконов и тюбиков? – дразнил он жену каждый раз, когда на полке появлялись новые средства. – Неужто все для одного-единственного лица?» Эми всегда отвечала: «Чтобы быть красивой», – а сегодня утром Джон осознал, для чего в ванной стояли баночки. Они символизировали присутствие Эми в их доме, являлись доказательством: она существует в его жизни, ее духом пропитан каждый уголок.

Джон снова лег в кровать. Голова гудела, во рту было сухо. В бокале на прикроватной тумбочке осталось немного виски. Интересно... Стаканчик на ночь, когда ты в постели с женщиной, – вполне себе сексуальный жест. И он же выглядит предельно жалко, если наливаешь снова и снова, пытаясь забыть, что тебя бросила жена.

– Эми ушла, – хрипло сказал он в потолок. – Ушла...

Джон гордился способностью вникать в мельчайшие подробности; на этом строилась его карьера. Как он не догадался о намерении жены – единственного человека, которого по-настоящему любил, – с ним расстаться?

Вчера ночью после ее ухода он выбежал на улицу. Умолял вернуться, пока Эми не села в подкатившее такси. Видимо, вызвала машину заранее. Хлопок дверцы стал жирной точкой. Окончательной, подобно исчезновению косметических средств из ванной, одежды из их общего гардероба и любимых книг Эми – с книжных полок. Обручальное колечко одиноко лежало на кухонном столе.

Поступок жены не был импульсивным. Она тщательно готовилась.

Джон нашупал телефон, лежащий рядом с бокалом виски. Вдруг Эми звонила или прислала сообщение? Вдруг передумала, и он сейчас прочтет покаянные слова: «*Милый, прости, случилось недоразумение. Давай поговорим?*»

– Сделай так, чтобы сообщение было, – прошептал он, хотя в Бога не верил.

К кому обращался – непонятно. Должно быть, к Эми.

Кроме длинного списка его отчаянных вчерашних звонков, на экране ничего не высветилось. Джон звонил и писал, однако вызовы остались неотвеченными, а сообщения – непрочитанными.

Тишина в эфире – вполне недвусмысленный сигнал: она не хочет его слышать. Если Джон будет продолжать попытки, то, во-первых, произведет впечатление человека, впавшего в отчаяние, а во-вторых – Эми решит, что он намеренно игнорирует ее желания.

И все же палец сам нажал на нужную кнопку. Джон прослушал автоответчик: «*Оставьте сообщение...*» Вчера надиктовал их столько – особенно после нескольких первых порций виски, – что сбился со счета. Не факт, что сейчас он скажет что-то новое, и тем не менее.

– Эми, пожалуйста. Давай поговорим.

Наступив на горло своей гордости, позвонил теще.

– Ах, Джонни... Мне так жаль! – вздохнула Моника, едва услышав, кто на проводе. – Прости, я не могу тебе ничего сказать. Ты в порядке? Еда у тебя есть?

Мать жены его любила.

– Я не подозревал, что она несчастна. А ты?

– Ну...

– Ты знала?

– Это ведь было очевидно, Джонни.

– Что она тебе наговорила?

– Заявила, что последнее время ты работаешь круглые сутки, куда больше, чем обычно.

– Да, но я планировал...

Джон прикусил язык. Планировал проводить с женой больше времени? Пустые слова... Он не раз обещал Эми ставить брак выше карьеры, и что? В путешествия не возил, в ресторанах столик не заказывал. Надеялся, что романтика в их жизни не нуждается в подпитке, никаких усилий прикладывать не нужно.

– Джонни, – мягко сказала Моника, – сам ведь понимаешь, почему твой образ жизни стал для Эми проблемой. Ее отец много лет вроде и жил с нами, а вроде и отсутствовал.

– Передай ей, что я выеду из дома, как только подыщу жилье, – буркнул Джон и прервал разговор.

Швырнул телефон в стену, словно обвиняя его в расставании с Эми. Я, дескать, тут ни при чем.

* * *

Вариантов продолжить день было два: прикончить бутылку виски или отправиться на пробежку. Он понюхал подмышку и скорчил гримасу. Так пахло от его отца – смесью пота и виски. В детстве Джон даже находил этот запах успокаивающим, а теперь возненавидел.

Он натянул спортивные штаны и футболку, которую вечером бросил в корзину для грязного белья. Физическая активность позволит ему собраться. Потом съест сэндвич с беконом, выпьет ибупрофен, сядет и подумает над выходом из создавшегося положения. Ему задали головоломку – как спасти брак – и он ее решит.

Разгадывать загадки Джон умел, причем самые разные. Как выяснилось, кроме одной. У этой шарады был единственный ответ: Эми ушла, и никто, кроме него, в этом не виноват.

Пройдя в кухню, он вставил капсулу в кофемашину – подарок Эми, стараясь не смотреть на лежащие на столешнице кольца. «Если собираешься кофе пить дома, пусть уж он будет приличным, не растворимым», – сказала тогда жена.

Значит, вот что его ждет? Каждый раз, когда он задумает побаловаться кофейком, кофемашина будет напоминать о развалившемся браке?

«Купи другую», – мысленно сказал Джон. Обманывал себя: чувство непоправимости происходящего не даст ему так поступить. Поэтому каждый взгляд на подарок Эми станет причинять ему боль. Он будет вспоминать, как радовалась жена, когда он распаковывал кофемашину. Будет продолжать ею пользоваться, потому что душевные муки означают: их счастье ему не приснилось. Вот только чем в итоге все закончилось...

Джон остановился у стола и сделал глоток кофе. Ничего, кроме горечи и презрения к себе, не ощутил. Правда, в голове немного прояснилось. Он нашел кроссовки, которые последний раз зафутболил под табурет, завязал шнурки, а потом минут десять искал ключ от входной двери.

Наконец, выйдя на крыльцо, едва не споткнулся о черный пакет для мусора. Мешок был полон и крепко завязан.

– Какого черта... – пробормотал Джон и бросил взгляд в один конец улицы, затем в другой.

Прохожих немного, однако все равно не определишь, кто из них бросил мусор перед порогом. Все вели себя совершенно естественно: кто-то шел на работу, кто-то выгуливал собак. Ни одного подозрительного лица. Возможно, соседи? Вряд ли. Брайди, жившая в следующем доме, с излишней обстоятельностью объясняла им при переезде, когда появляется мусоровоз да как следует сортировать отходы. Потом не раз повторяла инструкции, вероятно, на случай, если Эми с Джоном все забудут.

Может, он перепутал мусорные баки и Брайди демонстративно указывает ему на допущенный промах? Да нет. Джон никогда не покупал подобные мешки, а Брайди была ярой противницей использования пластика и полиэтилена и не забывала напоминать о своей мании.

У него застучало в висках. Оставить пакет на крыльце, отправиться на пробежку? Все равно потом придется с ним возиться, а Джон к возвращению будет потным и усталым. К тому же какой-нибудь хулиган или уличная собака вполне могут распотрошить мешок в его отсутствие и раскидать мусор по крыльцу.

Вздохнув, он взял пакет за узел. Надо выбросить в соответствующий, одобренный соседкой бак. Хм, странно. Почему такой тяжелый? Складывается впечатление, что вместо обычного мусора внутрь наложили кирпичей. Джон стащил мешок по ступенькам и швырнул в мусорку. Тот упал с глухим стуком.

– Доброе утро, Джонатан, – послышался знакомый голос.

Он оглянулся. Брайди стояла на крыльце своего домика – якобы вышла проверить почтовый ящик.

– Не видели, кто оставил мусор у моей двери? – поинтересовался Джон.

– Нет, но точно не я. Слышала вчера ночью какой-то шум. Вы, часом, не ссорились?

Она прищурилась, глядя ему в лицо сквозь старушечьи очки.

– Понятно. Нет, у нас все нормально.

Джон потер лоб и вдруг уловил нотку довольно сильного запаха. Духи? Знакомый аромат, хотя Эми таким не пользовалась. Похоже, мужской. Вероятно, лосьон после бритья. В голове отчего-то возникла ассоциация с синей шерстью.

– Хлопали двери, машины то приезжали, то уезжали, – недовольно продолжала соседка.

– Мы ведь живем в большом городе, – пожал плечами Джон. – Увидимся позже, Брайди.

Он неторопливо затрусил вниз по улице и вдруг остановился: кто знает, вдруг в мешке вещи Эми или его собственные? Например, жена забрала что-то по ошибке, а потом вернула.

Он встал за почтовыми ящиками, дожидаясь, когда Брайди исчезнет в доме, а потом быстро зашагал к мусорному баку.

Мешок лежал поверх разнокалиберных пакетов с бытовыми отходами – обертками от еды, кофейной гущей, старыми носками и использованными тюбиками из-под зубной пасты. Остатки от вещей, которые они покупали совместно с Эми, когда жили вместе, а потом, когда те превращались в хлам, не задумываясь от них избавлялись. Точно так же получилось и с их браком...

Джон потянул за узел. Завязано туго. Пришлось повозиться, пустив в ход ногти. Он довольно долго стоял, наклонившись над мусорным ящиком, чувствуя, что представляет из себя нелепое зрелище. Совсем уж собрался плюнуть, когда узел поддался.

Сперва его взгляд упал на сверток темной и на вид влажной ткани.

А потом – на человеческую ногу.

4

– Значит, это Мусорщик?

Последние несколько часов показали, что Джон не слишком разбирался в человеческих характерах – за исключением безжалостных убийц. Впрочем, истолковать выражение лица инспектора Атертона ему особого труда не составило. Инспектор его презирал.

– Останки были в мусорном пакете, – буркнул Атертон. – Необязательно это указывает на серийного убийцу. Не каждое убийство резонансно, хотя, слушая ваш подкаст, так не скажешь. Иногда тела находят в мусорных пакетах, потому что для преступника это удобно: и дешево, и не протечет, к тому же от них нетрудно избавиться.

Они сидели в полицейском участке. Джону сказали, что показания следует дать именно здесь, поскольку его дом проверят на предмет наличия улик. Он невольно поежился при мысли о полупустом гардеробе, девственно чистых ящиках и кольцах на кухонном столе.

– Вы слушаете мой подкаст?

– Нет, – ответил Атертон. – Ваши эфиры – погоня за дешевыми сенсациями. То же самое могу сказать о книгах. Мусор, и ничего более.

– Кстати... Вот вам еще одна причина, почему преступники упаковывают своих жертв в мусорные мешки: потому что буквально относятся к ним как к мусору.

– А по-моему, люди, подобные вам, норовят раструбить на весь свет, что якобы нашли зацепку. Вас хлебом не корми – дай выставить профессионалов в невыгодном свете.

– Я с огромным уважением отношусь к столичной полиции. Старший инспектор Харрисон может подтвердить.

– Старший инспектор Харрисон ушел в отставку. Вам доставляет удовольствие делать из убийства гламурный, возбуждающий интерес общественности продукт, а те, кто работает на земле, знают: ничего гламурного в смерти нет.

– И все же мы имеем дело с Мусорщиком, разве не так?

Атертон лишь вздохнул.

– Это уже шестой труп в Лондоне за последние восемь месяцев, от которого избавились подобным образом, – настаивал Джон. – Когда нашли первый? В октябре прошлого года? Потом в декабре, в феврале и еще два – в апреле. Все жертвы – белые мужчины, каждый был расчленен, а части тел разложены по мусорным мешкам. Их головы так и не обнаружены. По-моему, преступления укладываются в определенную модель.

– Похоже, вы об этом много знаете. Хотите прочитать мне лекцию?

– Материалы были в прессе. Насколько я знаю, мешки находили в переулках и на пустырях. На порог частного дома их ни разу не подкидывали.

– Странно, правда?

– Вы так считаете?

– Расскажите еще раз, как наткнулись на останки.

– Не возражаете, если я запишу наш разговор? – уже не в первый раз попросил Джон.

– Возражаю.

– Давайте тогда побеседуем позднее – уже только для записи.

– Даже не надейтесь. – Атертон откинулся на спинку стула. – Пожалуйста, еще раз с самого начала.

Вспоминать произошедшее Джонатану совсем не хотелось.

Он сам много раз встречался со свидетелями преступлений, с жертвами и их семьями. Видел отчаяние, душевный надлом и, если уж говорить начистоту, эксплуатировал подобные состояния. Обычные люди, столкнувшиеся с насилием, проявляли самые разные реакции: кто-то расклеивался, кто-то вновь переживал страшные события. Некоторые собеседники плакали,

другие сидели с каменным лицом, третьи вдруг впадали в мрачное оживание, однако всегда был общий знаменатель: боль.

Сейчас Джон предпочел бы встать на другую сторону – задавать вопросы, а не отвечать. Куда безопаснее спрашивать и анализировать, нежели вновь оказаться во власти пережитых эмоций.

– Вам приходилось раньше видеть трупы, Дерозье?

Перед мысленным взором Джона невольно всплыл образ обнаруженного в мусорном мешке тела. Голубоватого оттенка кожа, ярко выделявшиеся на бледном фоне черные волосы. Аккуратно подстриженные ногти: видимо, жертва незадолго до смерти приняла душ или ванну, а потом занялась тщательным педикюром. Это ведь так нормально – постричь ногти. Кто думает о том, что через несколько часов твою отрезанную ногу обнаружат в мусорном мешке?

– Нет, – ответил он. – В реальной жизни – никогда. Только на фотографиях.

– Наверняка крутится перед глазами, а?

Атертон был прав.

– Имя жертвы уже известно?

– Вопросы здесь задаю я. Рассказывайте с того момента, как вышли из дома.

Да, многие плакали. Кто-то приходил в бешенство, другие замыкались. Некоторые вообще не могли сказать ни слова. Джону встречались люди, не опускавшие ни одной, самой случайной подробности, словно пытавшиеся похоронить пережитый ужас под нагромождением слов. Он вспомнил молодого Девена Мюррея, нашедшего тело Лианны. Тот раз за разом повторял одно и то же: «Там было столько крови...»

– Могу я попросить стакан воды?

Атертон хмыкнул и поднялся со стула.

Джон тянул время и отдавал себе в этом отчет. Несмотря на свою одержимость раскрытием преступлений и свойственным ему желанием знать каждый штрих страшных событий, случившихся с посторонними людьми, он не хотел говорить о том, что произошло лично с ним. Это не он проснулся в одиночестве с прогорклым вкусом во рту после вчерашнего виски, не он впал в отчаяние от бесславного окончания собственного брака. Не было на пороге его дома мусорного пакета с частями человеческого тела – жуткой метафоры, описывающей его настоящую жизнь. И конечно, вовсе не Джон рылся в мусорном баке и пришел в ужас от вида отрубленной ноги – бледных, наводящих ужас останков, от вони разлагающейся плоти, крови и...

– Синяя шерсть, – сказал он вслух.

– Что, извините? – поднял брови вернувшийся в комнату инспектор, протянув ему чашку воды.

– Нет-нет, ничего. Просто непонятные ассоциации. Запах наружной поверхности мешка заставил меня подумать о мягкой синей шерсти.

– Что за запах такой? Шерсть, да еще и синяя?

– Сам не соображу.

Джон пожал плечами и сделал глоток. Атертон тяжело уселся.

– Послушайте, Дерозье, я знал вашего отца. Он был настоящей полицейской легендой. Но вы... Вы мне не нравитесь.

– Это я уже понял.

– По-моему, вы просто стервятник, питающийся несчастьем других людей.

– Я ведь раскрыл несколько дел, инспектор Атертон. Помогал скорбящим родственникам жертв... – невольно вырвалось у Джона.

Верил ли он еще в то, что говорил?

– И сколотили на этом состояние, не так ли?

– Хорошо, – вздохнул он. – Если угодно, давайте пройдемся еще раз. Я проснулся около восьми. Ничего подозрительного не слышал, хотя это неудивительно: спальня находится в

задней части дома. Камеры наблюдения у меня нет, сигнализации тоже. Входная дверь была заперта.

– Что насчет предыдущего вечера?

– Я провел его в Блумсбери, на авторском вечере. Потом мы завалились в «Маркиз Корнуолла» на Марчмонт-стрит. Со мной были представитель издательства Тодд и Рейчел, ведущая мероприятия. Вернулся без четверти двенадцать ночи на такси. Имени водителя не помню, но машину оплачивало издательство – можно поинтересоваться там. Потом у нас был разговор с женой, и после полуночи – где-то в десять минут первого – она вызвала машину и уехала.

– Куда она направилась?

– Не знаю.

– Она вернулась?

– Нет.

– Сбежала, значит? – ухмыльнулся Атертон, однако Джон не удостоил его ответом.

– Что вы делали потом?

– Выпил пару порций виски и лег спать.

– Один?

– Я же сказал: жена не вернулась.

– Чем можете доказать, что находились дома в одиночестве?

– Моя соседка, Брайди, слышала, как уезжала Эми. В наших домах довольно тонкие стены, к тому же Брайди наверняка подглядывала в окошко.

– Та самая соседка, которая видела, как вы бросили пакет в мусорный ящик?

– Именно.

– Во сколько точно вы обнаружили его под дверью?

– Пожалуй, в восемь сорок пять.

– Почему выбросили мешок?

– Ну, я решил, что орудовал любитель по-легкому избавляться от хлама. Кроме того, мне было неприятно, что мусор лежит на пороге.

– Почему вы вернулись заглянуть в пакет?

– Мне пришло в голову – там вовсе не мусор, а кое-что другое.

– Например, труп?

– Да нет. Допустим, мои вещи. Мы с женой крупно поссорились.

– Ах вот как? Новые подробности?

Джон стиснул зубы и промолчал.

– Раньше на крыльце находили что-нибудь в этом роде?

– Вы имеете в виду – части тела? Нет.

– Может, что-то необычное?

Джон на секунду задумался.

– Вроде бы нет. Разве что порой подбрасывают радикальные политические брошюры.

– Ваши фанаты не выкидывают странных фокусов? Они ведь не меньше вашего одержимы убийствами.

– Я не сообщаю им, где живу.

– Сейчас у всех есть интернет. Вы удивитесь, узнав, как легко вычислить домашний адрес.

– Я стараюсь не давать лишней информации в сети. Впрочем, все может быть.

– Есть ли у вас враги?

– Холостяк Тимоти, но он в тюрьме.

– Ну да. Благодаря вам. – Голос инспектора сочился сарказмом. – Великий детектив, ведущий подкаста... Бьюсь о заклад: обнаружив останки, вы первым делом подумали, что разжились отличным материалом для слушателей.

– Первым делом я решил вызвать полицию. Убит человек – вот что важно. Подкаст вполне может подождать.

– Вы не должны публично обсуждать это происшествие, – потребовал Атертон. – Дело в стадии расследования, и я не дам вам все испортить.

– А вдруг Мусорщик хочет, чтобы я сказал о новом трупе в эфире? – предположил Джон. – Вот и подбросил останки жертвы именно к моему дому. Возможно, желает славы? Вам не кажется, что убийца – один из моих слушателей?

Сказал – и сам содрогнулся от собственной гипотезы.

– В том-то и дело, Джонатан. Если вы делаете из убийства гламурный продукт, рано или поздно получаете труп на своем крыльце.

Атертон захлопнул блокнот.

– Я могу идти?

– Мы дадим вам знать, когда расследование подойдет к концу. Я на вашем месте пожил бы несколько следующих дней в каком-нибудь отеле. Возможно, занялся бы поисками жены, – усмехнулся инспектор. – Кстати, с ней мы тоже хотим поговорить. Да, и не вздумайте покидать страну.

– Погодите... Вы считаете меня подозреваемым? Полагаете, я с самого Рождества разбрасываю по Лондону трупы в мусорных мешках?

– Следствие на начальной стадии – сейчас ничего нельзя исключать.

– Стало быть, пока у вас нет ни одной зацепки...

– Кстати, где вы были двадцать второго октября? А пятнадцатого декабря, семнадцатого февраля, одиннадцатого и двадцатого апреля?

– Навскидку сказать не могу. Надо заглянуть в ежедневник.

– Из города не уезжайте, – вставая, повторил Атертон. – Будем на связи.

Джон задержал инспектора:

– Понимаю, что вы не испытываете ко мне симпатии, однако могу я попросить вас об одолжении?

– Смотря о каком.

– Когда установите личность жертвы и свяжетесь с ее семьей – сможете сказать им, что я сожалею? Передайте им... – Он тяжело сглотнул. – Передайте мои слова: их любимый человек не заслуживал подобной участи. Я надеюсь, они смогут обрести покой.

Атертон фыркнул и распахнул дверь:

– Хм. Сердечный вы парень, а?

* * *

В отель Джон не поехал. Пошел пешком куда глаза глядят, стремясь поскорее удалиться от полицейского участка, пропахшего плохим кофе, пластиковой мебелью и дурными испарениями человеческих тел. Он всегда отличался тонким обонянием: в детстве с отвращением зажимал нос, почуяв чужой пот, вонь подгоревшей пищи или сильный аромат духов. Отец частенько его дразнил: «Если не выносишь запах крови – детектива из тебя не выйдет».

Вот только запах крови сейчас был ни при чем.

Джон завернул за угол, прислонился к стене паба «Уэзерспун» и тяжело задышал. Прикрыв глаза, снова увидел отрубленную ногу.

Шесть убийств, двенадцать отрезанных ног. Кто это сделал и как? Прикончить человека, а потом разделать его, словно барана?

Джона вырвало, и остатки утреннего кофе выплеснулись на тротуар. Случайный прохожий равнодушно обошел его стороной.

Вот так и убийцы... Они просто не видят в своей жертве человека. Мусор, кусок плоти, не более. В Лондоне никто не смотрит друг другу в глаза. Отводят взгляд в подземке, стараются не общаться с соседями, если позволяет ситуация. Город полон черствых, замкнутых на себе эгоистов. Если ты одинок и безразличен, то другие для тебя – просто бездушный человеческий материал, скользящие рядом тени.

Удивительно еще, что людей в Лондоне не убивают на каждом шагу.

Джон вытащил телефон и набрал номер Эми – наверное, уже двадцатый раз за утро. Та вновь не ответила, и он позвонил теще.

– Джонни, прости, но я же сказала, что... – со вздохом начала Моника.

– Она у тебя?

– Эми просила меня не говорить...

– Я просто должен убедиться, что она в безопасности. Ночью кто-то оставил труп у меня на пороге. Я хочу услышать: с Эми все в порядке.

Его голос сорвался.

– Что? О господи... Да, да, она у меня, все нормально.

– Хорошо. Не открывайте дверь незнакомцам, ладно? Не отвечайте на звонки с неизвестных номеров. И скажи Эми, чтобы не приближалась к нашему дому – если, конечно, у нее есть такие намерения.

– А ты...

Не дослушав, Джон нажал на кнопку отбоя и вошел в паб.

Зал был заполнен едва ли наполовину. Еще рано. Несколько знакомых завсегдатаев сидели за столиками с таким видом, словно пьют с самого утра. Он заказал пинту пива и порцию виски.

– Выглядишь не лучше, чем я себя чувствую, дружище, – усмехнулся бармен.

Джон вздохнул, заметив, как дрожит рука.

Встав у стойки бара, первым делом хлопнул виски, однако не смог ни отогнать навязчивый запах, ни отбить дурной вкус во рту. Залпом выпил пиво – никакого эффекта. Впрочем, он хотя бы ощутил, что чем-то занят. Ну да. Чем еще заняться человеку, которого бросила жена? Правильно – уйти в запой. Он жестом попросил бармена повторить.

В паб вошла группа молодых людей. Подойдя к стойке, ребята зашумели, расталкивая друг друга локтями и выкрикивая заказы. Джон молча стоял рядом, ожидая своих напитков. В детстве подобные компании его пугали; в смехе крепких, горластых, налившихся пивом парней в футболках цветов любимой команды он слышал нотки угрозы и каждый раз вспоминал отца.

Тощий прыщавый юноша со смазанными гелем волосами хлопнул по плечу одного из друзей, и в голове у Джона снова заговорил внутренний голос: «Синяя шерсть».

Стоп...

Он поймал худого малого за запястье.

– Что у тебя за парфюм?

Тот попытался выдернуть руку, но не смог.

– Чего прицепился?

– Да нет, ничего, – сбавил тон Джон. – Извини. Просто хотел узнать, каким одеколоном ты пользуешься. Или это дезодорант?

– Тебя что, дружок бросил? – хмыкнул один из парней, и Джон нахмурился.

– Послушай, – продолжил он, понизив голос, – у меня сегодня худший день в жизни. Поверь, ты не захочешь узнать, почему я задаю такой вопрос. Просто скажи: как называется этот запах?

– Откуда мне знать, черт возьми? Брат привез из Штатов. По-моему, «Ахе» или что-то в этом роде.

«Ахе», синяя шерсть... Нет, не шерсть: кашемир.

Он отпустил мальчишку, и тот быстро отступил в сторону, словно испугавшись. Ребята отпустили несколько шуток, но Джон их уже не слышал. Выпил пиво с виски и направился к выходу.

Он знал, кто скрывается под прозвищем Мусорщик.

5

Второго плохого мужчину я убила совершенно осмысленно. Нет, Гарольда-то мне точно хотелось прикончить. Пусть и на подсознательном уровне, однако желание разделаться с ним присутствовало с того самого дня, как он женился на моей матери. Убить, если коснется меня хоть пальцем. Не могу сказать, что вынашивала конкретные планы. Все произошло импульсивно, кто-то назвал бы мои действия самообороной. Гарольд был педофилом, а бассейн предоставил удобную возможность с ним покончить.

А вот второй... С ним мне пришлось заранее пораскинуть мозгами.

Нет, думала я недолго, если честно. О платье для выпускного вечера размышляла дольше – несколько лет. А план убийства мистера Шилера родился за пару дней.

Началась та история в один прекрасный вечер. Я училась в десятом классе частной школы для девочек в Массачусетсе. Учеба мне нравилась, я с удовольствием занималась спортом, а Сюзи тот год провела за сотни миль – в закрытой подготовительной школе штата Нью-Йорк. Виделись мы лишь на каникулах, которые проводили в квартире Гарольда в Верхнем Вест-Сайде или на побережье, в его же бунгало в Хэмптонс, – в зависимости от сезона. И там и там обязательно присутствовал штат наемных опекунов, которых для нас выбирали юристы, управляющие трастовыми фондами отца, матери и отчима, пока мы с сестрой не достигнем совершеннолетия. Ничего особенного – большинство девочек, с которыми я училась, родителей почти не видели, даже если те были в добром здравии. Так или иначе, лучше закрытая школа и каникулы в обществе незнакомцев, чем жизнь с Гарольдом.

Правда, по Сюзи я скучала. Знала, что она свою школу любит, обожает занятия спортом и танцами, вполне счастлива и находится в полной безопасности, и все же физически чувствовала пустоту, заполнившую пролегшее между нами огромное расстояние.

В тот вечер, когда потушили свет, я с головой накрылась одеялом, зажгла фонарик и принялась писать сестре письмо на первосортной почтовой бумаге – ее любимой. Ручку взяла с розовыми чернилами – к ним Сюзи тоже была неравнодушна. Письмо не закончила: протек стержень.

Вздыхнув, я выключила фонарик, встала с кровати и осторожно, лавируя между похрапывающими одноклассницами, пробралась в коридор, ведущий к туалетным комнатам. Вечерняя дежурная давно завалилась спать; хотя в школе было темно, я, как и любая другая ученица, дорогу знала как свои пять пальцев и спокойно шла мимо погрузившихся в тишину спален.

Логично было бы предположить, что, учитывая щедрую плату за обучение, школа предлагала ученицам индивидуальные туалетные комнаты, однако руководство придерживалось иного мнения: совместное пользование удобствами должно воспитать в детях состоятельных людей скромность и моральные ограничения. Что-то в этом роде. По моему опыту, подобные правила давали совсем иной эффект: у застенчивых школьниц развивались проблемы с кишечником, поскольку они дожидались, пока все лягут спать, и только потом совершали поход в уборную. Что уж говорить об ученицах, страдающих расстройствами пищевого поведения или критически оценивающих собственное тело... Те были несчастны вдвойне.

Представьте себе группу девочек подросткового возраста, лишенных какого-либо личного пространства. Думаете, они не будут проявлять нездоровое любопытство, сплетничать друг о друге? Идеальная питательная среда для паранойи и нарциссизма... Это я сейчас так считаю, а тогда была всего лишь ребенком с признаками зарождающейся социопатии.

Еще не добравшись до туалета, я поняла, что внутри кто-то есть: из-под двери пробивалась полоска света. Лампочки там включались от датчиков движения – а потому пробраться в уборную незамеченной было невозможно. Кроме того, свет имел свойство внезапно выключаться, когда ты в одиночестве устраивалась на горшке или делала макияж.

Внутри кто-то плакал.

Я тихонько приотворила дверь бедром, стараясь не перепачкать ее розовыми чернилами, и прислушалась. Если в туалете кто-то ревет, значит, вариантов у тебя всего три: во-первых, спросить, все ли в порядке, рискуя нарваться на подробный рассказ о подростковой драме. Во-вторых, можно развернуться, уйти и пропустить первоклассную сплетню. Третий вариант – подслушать и выяснить, что случилось, безо всяких далеко идущих обязательств.

Простояв у двери всего пяток секунд, я выбрала третью стратегию и напала на золотую жилу. В туалете находились две девочки: одна плакала, другая шепотом ее утешала.

– Кому-нибудь расскажешь?

– Нет, – всхлипнула рыдающая ученица. – Все равно никто не поверит!

– Вполне могут поверить.

– Тогда все будут знать, из-за кого уволили мистера Шилера. Его все обожают.

– Каждый в курсе, что ты его любимица.

Я оживилась: информация была важной. Мистер Шилер тренировал школьную команду по софтболу, в которую входила и я. Играла на первой базе, потому что у меня неплохо получалось ловить отбитый мяч. Тренера действительно все любили. Раньше он и сам играл в бейсбольной лиге, а став тренером, вывел нашу команду на первые места в штате. Шилер обладал большим брюхом, гомерическим смехом и склонностью к дурацким каламбурам. Повсюду таскал с собой бейсбольную битку с автографом самого Бейба Рута⁶. У биты – не вру! – имелось свое законное место в автобусе нашей команды. О ком-нибудь другом сказали бы: глупая причуда, однако в отношении Шилера она выглядела забавно, не более. Кроме исполнения тренерских обязанностей, он преподавал информатику, а еще каждый год ставил сценки с участием старшеклассниц, которые наряжались учителями или обслуживающим персоналом. Девочке, изображавшей самого Шилера, дозволялось выступать с его легендарной биткой, а больше он с ней никогда не расставался.

Плачущую ученицу я узнала по голосу: Нив Оуэнс была нашим лучшим питчером⁷, она же играла Шилера в школьных постановках.

Я приоткрыла ухом к щелке между дверью и косяком.

– Может, просто недоразумение? – предположила утешительница.

– Он запустил руку мне в лифчик, – снова всхлипнула Нив.

– Уверена? Вдруг он не нарочно?

– Если даже и так – все равно никому не скажу. И ты не говори. Представляешь, во что превратится моя жизнь? Все будут считать, что я сама виновата. Поклянись, что будешь молчать!

– Из команды уйдешь?

– А куда деваться? Я даже смотреть теперь на него не могу.

Я отскочила от двери и вернулась в спальню. Руки пришлось вытереть салфеткой. Забравшись в постель, начала воображать, как прикончу подонка.

Кто-то решит, что подслушанный разговор – довольно слабое основание для убийства любимого всеми тренера по софтболу, который поднял нашу команду на вершину рейтинга. Кстати, благодаря ему я улучшила средний показатель отбивания с четырехсот до четырехсот пятидесяти. В свою защиту скажу: педофилия для меня навсегда осталась большой темой. Я прекрасно знала, что по ошибке запустить лапу в лифчик невозможно. Интересно, сколько наших девчонок перелапал тренер? Хорошо, если только лапал... Впрочем, Нив говорила правду: поскольку дело касалось Шилера, ей никто не поверит. Кроме того, у нее была лучшая правая на всем Восточном побережье. Нив не должна покинуть команду... Возможно, без

⁶ Бейб Рут (1895–1948) – профессиональный американский бейсболист.

⁷ Питчер – игрок в бейсболе.

Шилера нам не удалось бы выиграть столько матчей, но без Нив нашей школе чемпионства точно не видать.

План у меня родился безупречный.

Разумеется, я выдавала желаемое за действительное, однако что взять с пятнадцатилетней девчонки, которой уже сошло с рук одно убийство? Я считала себя неуязвимой.

* * *

Мой идеальный замысел сработал уже через два дня, когда наша команда позволила себе расслабиться за коллективным поеданием пиццы и игрой в боулинг. Подобные мероприятия мы устраивали дважды за сезон, и они тоже способствовали популярности Шилера. В закрытой школе – пусть самой что ни на есть эксклюзивной и респектабельной – каждая ученица ищет предлог выбраться на вечер из кампуса, оказаться подальше от дежурных и учителей. Всех тянуло в такие места, где можно пофлиртовать с мальчиками. Неважно, что местный боулинг-центр представлял собой непритязательный зал, сплошь отделанный оранжевым и бирюзовым пластиком – будто застрял в семидесятых.

Нив на вечеринку не пришла. Говорили, что она приболела. О настоящей причине знали лишь я и та, вторая девочка из туалета, которую по голосу мне узнать не удалось.

Разумеется, мистер Шилер тоже был в курсе. Педофил, грязный ублюдок!

Поедание пиццы прошло без приключений. Во второй части вечера мы переместились в боулинг, и я приступила к подготовительной части плана. Пока девчонки переобувались в воняющие освежителем тапочки, я проскользнула в закуток с уборными. А что, логично: началась эта история в туалете, в туалете она и продолжится.

Оглянувшись, я нырнула в мужской сортир, вытащила из сумочки два припрятанных куска пиццы с пепперони и затолкала их в единственный унитаз. Пахло здесь ужасно. Куда хуже, чем в дамской комнате, которая тоже была не слишком чистой. Задержав дыхание, я сунула в унитаз рулон туалетной бумаги и для верности утрамбовала все это отвратительным ершиком. На всякий случай добавила еще парочку бумажных полотенец. Смыла раз, другой. Засор встал намертво, и я с удовольствием наблюдала, как вода поднялась до кромки керамической чаши. Когда выходила в коридор, она уже полилась на пол.

Я помыла руки в женской уборной, привела в порядок прическу и направилась к стойке администратора зала, где среди нескольких рядов девчачьих туфель восседал скучающий прыщавый парень.

– Извините... По-моему, из-под двери мужского туалета течет вода.

Парень вздохнул и встал с табурета. Наверное, вонючий сортир привлекал его еще меньше, чем куча дурно пахнущей обуви. Кто знает? Возможно, догадаться он, что помогает покончить с растлителем малолеток, – проявил бы куда больше энтузиазма.

Я зашнуровала тапочки для боулинга и присоединилась к девочкам, а прыщавый администратор, вооружившись шваброй, ведром и табличкой «Туалет не работает», направился к отсеку с уборными.

Дальнейшая часть плана состояла в ожидании. Отлично, еще и партию в боулинг сыграть успела. Мистер Шилер шел прямо в западню, не сознавая, что с каждой минутой приближается к смерти. Тоже неплохо.

Дело в том, что бита Бейба была не единственной фишкой нашего тренера. Еще он галлонами поглощал изотонический напиток. Обязательно имел при себе бутылочку, а уж по такому случаю явно притащил штуки три, а то и четыре. Предпочитал пойло голубого оттенка. Часто говорил, что именно «Гаторейду» обязан своей карьерой профессионального бейсболиста –

якобы там оптимальный состав электролитов. Короче, Шилер был вроде моряка Попая⁸ со шпинатом.

В общем, мне и делать-то ничего не пришлось: через полчаса Шилер встал с бирюзовой скамейки, откуда наблюдал за состязанием, и с битой в руке поковылял к мужскому туалету. Я покосилась на него во время броска и, конечно, промазала. Ни одной кегли не сбила и проиграла партию Пейдж Уилер. Ничего страшного: у меня на уме была добыча покрупнее.

– Никто не хочет диетической колы? – громко спросила я.

Все подняли руки. А как же. Я двинулась к закуской, а мистер Шилер как раз шел в другую сторону, из отсека с туалетами.

– Восстанавливаем уровень электролитов, Серафина? – подмигнул он.

– Так точно, мистер Шилер!

– Продолжай в том же духе – и в следующей партии обыграешь Пейдж.

Он направился к главному входу, а я быстренько скользнула за угол, к уборным, потом пробежала дальше и выбралась на улицу через пожарный выход. Дверь подперла кирпичом. На крыльце остановилась и надела латексные перчатки, позаимствованные у соседки по комнате, которая, в нарушение школьных правил, красила волосы.

Парковка была освещена лишь отблесками от неоновой вывески. Я осторожно выглянула из-за школьного автобуса. Шилер шел к дальнему концу площадки, где сгущались тени. Разумеется, уважаемый учитель эксклюзивной школы для девочек на виду у всех отлить не желал. На это я и рассчитывала.

Поведение мужчин в некоторых случаях предсказать нетрудно: они ведь считают себя неуязвимыми. Представьте себе женщину, пробирающуюся в дальний, самый темный угол какого-нибудь общественного места, чтобы справить нужду. Вы такого не увидите; она остановится прямо за дверью, пританцовывая и судорожно вспоминая, нет ли где-то рядом освещенного туалета. Еще и ключ от машины зажмет между пальцами, как импровизированное оружие. Многие женщины скорее пустят в трусы, чем оголят задницу с риском быть замеченной.

А мужчина беспечно уходит в самую темень, где спокойно вынимает свой член. Что может случиться с таким большим и сильным парнем?

Я последовала за Шилером, стараясь держаться в тени. Главный совет для тех, кто собирается совершить убийство на парковке боулинг-центра: надевайте свою обувь. У тапочек, которые здесь выдают, очень скользкая подошва, и шума от них больше, чем от кроссовок.

К счастью, Шилер ничего не подозревал и, как я уже сказала, был уверен в своей неуязвимости. Я издали услышала, как он напевает себе под нос, а потом струя его мочи с шелестом оросила траву у края парковки.

Он стоял ко мне спиной; со знаменитой битой на минуту расстался, прислонив ее к крылу какого-то автомобиля. Похоже, наш тренер считал себя одним из тех мачо, которые при мочеиспускании держат член двумя руками, словно одной недостаточно. На это у меня тоже был расчет.

Я тихо подняла биты, пока Шилер справлял нужду (еще бы, тридцать две унции «Гаторейда»), и со всего маха врезала ему по голове.

Каждый умелый игрок в софтбол знает этот приятный звук, свидетельствующий о мастерском ударе. От бейсбольного мяча он совсем иной, напоминающий резкий треск. Мячик для софтбола больше и мягче; когда по нему хорошенько попадешь, слышишь что-то типа «хлюп». Нечто подобное издала и черепушка Шилера. Конечно, разница была: тренер стоял, а мячик обычно летит навстречу – инерция совсем другая, к тому же волосы и бейсболка давали

⁸ Герой американских комиксов и мультфильмов, один из самых известных мультперсонажей студии Paramount Pictures, наряду с Каспером.

моей жертве кое-какую защиту. Опять же, голова прикреплена к телу – через ограждение стадиона не перебеешь.

Тем не менее Шилер тяжело рухнул на бок, ударившись виском об асфальт – снова тот самый звук, – и из-под него начала растекаться лужица крови. Ну и отлично.

Такой вот хоум-ран⁹.

К сожалению, я не учла, что пенис убитого будет свисать из ширинки – шарить по карманам оказалось не слишком приятно. Впрочем, на мне были перчатки – презервативы для рук, так сказать. Вытащив банкноты, я бросила пустой кошелек у мертвого тела, а рядом положила биты. Наверняка случайный грабитель не сообразил бы, что она имеет большую ценность.

Я засунула деньги и перчатки в сумку, проскользнула обратно в здание и, мельком глянув в зеркало, купила всем диетической колы.

Потом разделалась с Пейдж Уилер, обставив ее на тридцать очков. Отсутствия Шилера никто не заметил, пока не настала пора уезжать.

Размышляя о том вечере, понимаю, что наделала немало ошибок. Хорошо, что на парковке не стояли камеры видеонаблюдения, иначе меня арестовали бы прямо там. Не додумалась проверить. Кроме того, район криминальной славой не пользовался; какое-то чудо, что полиция ухватилась за версию о жестоком грабителе. Не знаю, задержали ли кого-нибудь копы по подозрению, однако ходили слухи, что к убийству приложила руку банда чокнутых наркоманов. Наивно было полагаться и на физиологические потребности Шилера. Скучающий администратор ничего не соображал в пробивании засоров, а тренер выпил столько, что не мог терпеть – тут мне здорово подфартило. В противном случае весь план накрылся бы медным тазом.

Новичкам везет: поганый лапальщик пал от собственной бейсбольной биты, а Нив из команды не ушла. Мы получили новую всесезонную спортивную площадку, названную в честь Тэда Т. Шилера. Кстати, я убедила своих опекунов внести серьезную сумму в память о «любимом тренере». Первенство Штатов мы не выиграли, поскольку печальное происшествие на время охладило нашу прыть, а вот второе место заняли.

По-моему, совсем неплохой результат.

⁹ Разновидность игровой ситуации в бейсболе.

6

С Сирилом Уолкером Джон познакомился в пабе на Лавендер-Хилл, с ходу обратив внимание на две неизменные привычки: Сирил постоянно носил джемпер из синего кашемира и злоупотреблял дезодорантами для тела. Еще он заметил обгрызенные ногти нового знакомого и выглядывающую из-под рукава татуировку. Маленькие подробности имеют значение, когда говоришь о людях, помогают создать для слушателей живой образ. Например, кто навскидку скажет, что работник строительной компании Уолкер носит кашемировые вещи?

Сирил был разведен, детей не имел и проживал в типовом домике в Клапхэме. «Настоящая развалюха, – сообщил он Джону во время первого их разговора, – все не хватает времени привести его в порядок. Сапожник без сапог...» Он водил белый минивэн, после сорокалетия решил бросить курение и заняться бегом.

Собственно, потому они и встретились.

Впервые он связался с Джоном через его подкаст, отправив письмо с анонимного адреса.

«Послушал вас и решил: вы правы. Испанец не виновен в убийстве Лианны Мюррей. Видел его фото в газетах – он вовсе не похож на человека с окровавленными руками, которого я заметил в ту ночь в парке Клапхэм-Коммон».

Джон целую неделю посылал сообщения, предлагая поговорить лично, и немало удивился, когда Сирил пришел на встречу. Писал он четко и грамотно, а на поверку оказался крупным мужчиной с бритой головой и мозолистыми руками, распространяющим вокруг себя облако тяжелого сладкого аромата и грубоватого обаяния жителя южных окраин Лондона.

– Терпеть не могу копов, – признался он Джону за кружкой пива. – Моего брата в двухтысячном упекли в тюрьму за кражу со взломом, которую он не совершал. Его подставили, и с тех пор он уже не был прежним. Пристрастился к наркотикам, ночевал под заборами. Не доверяю полиции ни на грош; как только увидел в газетах фото Сантандера – сразу понял, что с ним пытаются сделать то же самое. Потому и не смог промолчать.

Сирил рассказал, что совершал пробежку в Клапхэм-Коммон в тот самый день, когда убили Лианну. Погода была ужасная, на улицах – ни души, вот почему он сразу обратил внимание на быстро идущего в противоположном направлении мужчину с кровавым мазком на лбу. Руки тот держал глубоко в карманах.

– Сможете его опознать? – спросил Джон.

– Наверняка. Лицо запомнил, и куртка примечательная – из совместной коллекции шестнадцатого года от «Н&М» и «Бальмен».

– «Бальмен»? – моргнул Джон.

– Честно говоря, я увлекаюсь модой, – немного смутился Сирил. – Может, по мне и не скажешь, да и особыми средствами я не располагаю, но часто захожу на eBay. Вот, поглядите: этот джемпер от «Барберри».

Он повернулся, дав Джону рассмотреть ярлычок на спине.

– За такой курткой я охочусь уже несколько месяцев, – продолжил Сирил. – В магазинах они не задерживаются – раскупают их быстро. К тому же за подобные вещи дерут втридорога, однако порой продавец не подозревает, какое сокровище лежит у него на прилавке.

– Раньше вы этого человека в парке видели?

– Никогда. И с того дня ни разу не встречал. А уж я его искал, поверьте. Потом прослышал, что схватили испанца, и понял: мне следует с кем-то поделиться. Если убийцу не поймали – это одно, но когда его вину пытаются взвалить на другого...

Он покачал головой и допил остатки пива. Джон купил ему еще одну кружку.

Сирил оказался компанейским человеком. В конце концов Джон убедил нового знакомого обратиться в полицию. Сработал аргумент: невинный человек пострадать не должен. Благодаря его описанию и удалось выследить Холостяка. Когда Эфраина Сантандера освободили, Сирил появился на устроенной Джоном маленькой вечеринке по случаю завершения дела и пожал испанцу руку. Тот потом рассказал, что строитель втиснул ему в ладонь почти двести фунтов, шепнув – мол, хочет помочь снова встать на ноги.

После того как все разошлись, Эми, лежа в постели, положила холодные ступни на теплую ногу Джона и пробормотала:

– Этот Сирил – хороший парень, но, черт возьми, ему не стоит так налегать на «Lynx».

– Не «Lynx», а «Ахе», – поправил ее Джон. – «Ахе Stellar», если уж быть точным. Это особая версия, которую в Великобритании не выпускают – Сирил мне сам рассказал.

Потом он притянул Эми к себе и забыл о новом знакомце, да и после почти не вспоминал – до того дня, когда нашел на крыльце мусорный пакет, издающий тот самый запах.

Удивительно, что не сообразил сразу, что к чему. Потом, в «Уэзерспуне», дошло.

Первым желанием было немедленно вернуться в полицейский участок, однако инспектор Атертон Джона ненавидел и в его реакции сомневаться не приходилось. Наверняка заявит: «Пытаетесь заставить нас потратить время на этого парня только потому, что он пользуется ужасным парфюмом?»

Вместо этого Джон вызвал такси и уже через некоторое время, пробравшись в заросший кустарником садик на задах дома Сирила, вскрыл прогнившую оконную раму ванной комнаты, которую хозяин так и не удосужился заменить.

Пролезая в окно, осознал, что чертовски боится: сердце стучало как сумасшедшее, ладони вспотели. Впрочем, свое состояние Джон отметил с почти профессиональной отстраненностью. Никогда еще ему не доводилось проникать в чужой дом, уж не говоря о том, что его хозяин помог раскрыть одно убийство и, по всей видимости, виновен в другом. То есть даже не в одном. По крайней мере – в шести...

В ванной было холодно. Как и в большинстве домов Викторианской эпохи, санузел во время реконструкции пристроили к задней части кухни. Сирил начал снимать со стен розовую кафельную плитку в стиле семидесятых, но до конца дело не довел.

Джон прислушался, хотя несколько минут назад на стук в дверь никто не отозвался. В доме царила мертвая тишина, и он перелез через бортик ванны, в которую спустился из окна.

Аромат дезодоранта был ошеломляющим. Джон было засомневался – тот ли самый это запах? Впрочем, ошибиться невозможно: на полке у раковины стояли три баллончика «Ахе Stellar», а четвертый, пустой, лежал в корзине для мусора. Он открыл аптечку, где нашлась еще пара штук.

Что ж, лишний раз убедился, что дешевыми (хотя и нишевыми) спреями для тела Сирил пользуется неумеренно.

Джон скрипнул зубами и тихо прошел из ванной в кухню. Что он хотел найти? Мусорные мешки? Ножовку? Однако разве это не самые обычные вещи, которые просто обязаны быть в доме строителя?

Терзавший его страх засел глубоко внутри, между желудком и легкими, превратившись в зуд, который возникал всякий раз, когда Джон был на грани открытия. Загадка почти решена, осталось лишь сложить воедино кусочки головоломки, найти ту самую, единственную улику, необходимую для решительного доказательства виновности – или для оправдания.

К страху примешивалась легкая паника: покинул полицейский участок после допроса по поводу одного преступления и тут же совершил другое.

Господи, ну что за нелепая идея? Десятки тысяч людей пользуются этим дезодорантом, и это вовсе не значит, что хоть один из них является преступником. Сирил Уолкер был свиде-

телем по делу об убийстве, вот и все. Слушал эфиры Джона. Хороший парень, у которого не хватает времени для ремонта запущенной ванной.

Ладно. Он просто быстренько здесь осмотрится – иначе зачем вообще пришел? Потом выберется из чужого дома и займется решением собственных проблем. Что-нибудь выпьет.

Линолеум в кухне был липким, и подошвы издавали неприятный чавкающий звук. Так... Оборудование встроенное, с дверцами под дерево, как делали в восьмидесятых. Пустая тарелка с крошками, нож со следами масла, чашка с засохшим осадком от чая... Одна загадка разгадана: понятно, что Сирил ел на завтрак. Джон фыркнул и выдвинул несколько кухонных ящиков. Нет ли там пригодных в качестве оружия ножей? Несколько меню от кафешек, торгующих едой навынос, в одном из ящиков – рулон мусорных мешков. Самые обычные мешки, однако Джон на всякий случай оторвал один и сунул в карман. Позже глянем на него внимательнее...

Единственным современным предметом обстановки оказался тихо и удовлетворенно рычащий холодильник: большой монстр американского производства с вместительной морозилкой в верхней части. Джон открыл его, изучил бутылку молока и банки с пивом, затем взялся за дверцу морозилки.

На полке, подобно упаковкам с мороженым, лежало пять человеческих голов.

Джон замер, не в силах ни ахнуть, ни отскочить. Не мог отвести взгляд, и подробности навсегда отложились в его памяти. Синевато-серая кожа, впалые щеки, лица вялые и сморщенные. Кристаллики льда повисли на бровях, на волосах и на отросшей на подбородках щетине. На срезе шей – замерзшие бордовые капли. Глаза у всех закрыты, кроме крайнего справа: у этого в щелях между веками виднеются белки. Если дотронуться – любой из экспонатов кошмарной выставки наверняка окажется ледяным и твердым, словно камень. Теплый палец прилипнет к замороженной плоти, а когда Джон попытается его отдернуть, отсеченная голова вывалится из холодильника и упадет ему прямо на грудь – тяжелая, словно у потерявшего сознание пьяницы; из холодных губ на рубашку просочится ниточка слюны...

Он невольно сунул руку в морозилку.

– Что вы здесь делаете, Джонатан?

На какой-то миг он решил, что заговорила одна из голов. В чувство его привел тяжелый запах «Ахе» и знакомые приятные интонации. Этого человека Джон держал за друга. Он обернулся, не опуская руку. Сирил стоял на пороге кухни с длинным ножом мясника в руке, направив его в грудь непрошеному гостю. Наверное, поэтому в кухонных ящиках ничего и не нашлось.

– Тебе обязательно надо было сунуть сюда нос, правда? – Голос Сирила звучал печально. – Не мог с собой совладать. Нет бы оставить это дело в покое.

– Не убивай меня...

Джон сам не узнал собственный голос – хриплый, задыхающийся.

– Я бы с удовольствием, дружище. Ты вообще не тот тип, который меня интересует.

Сирил прыгнул к нему. Джон рефлекторно отскочил в сторону и выбросил руку вперед, ощутив, как к кончикам пальцев приклеилось нечто холодное и твердое. Из морозилки с тошнотворным звуком выпал круглый предмет, и в груди у Джона вдруг полыхнуло огнем. Все случилось так быстро, что он не смог разобрать, где больно – внутри или снаружи.

– Что ты с ними сделал? – выкрикнул Сирил и нагнулся, поднимая голову с пола.

Господи, взял ее в руки, баюкает, словно ребенка...

Джон воспользовался представившимся шансом и бросился из кухни. Он бежал по темному дому, слыша за спиной непонятные звуки. Позади осталась гостиная с заваленным прессой столом, впереди – узкий коридор, ведущий к выходу на улицу. Под ногами скрипели голые доски пола; до маленького окошка во входной двери еще далеко.

Стало горячо в задней части шеи, под затылком. Тяжелое дыхание отдавалось у него в ушах – то ли его собственное, то ли Сирила. Джон потянулся к двери, и жаркий огонь в груди

превратился в ослепляющую боль. Он вскрикнул и схватился за ручку, однако мокрая ладонь соскользнула. Кровь... Его кровь!

– Господи, пожалуйста... – зашептал Джон.

Сейчас последует новый удар ножом – на сей раз в спину. Лезвие пройдет сквозь легкое, доберется до сердца, потом вонзится еще раз, и еще, пока он не упадет замертво. Сирил его расчленит, рассует части тела в мусорные мешки и разбросает их по городу, а голову положит в морозилку, рядом с остальными. Наступит непроглядная тьма и пустота...

Убийца, тяжело топая, выбежал из кухни, и в этот миг дверь открылась. Джон, спотыкаясь, выбрался на крыльцо, испытал шок от внезапного яркого света и охватившей его паники. Снова боль – на этот раз в плече и задней части шеи. Он умудрился выбежать на улицу и, выскочив на дорогу, замахал руками перед приближающимся автобусом. Сирил бежал от дома с окровавленным ножом в руке. Джон заколотил кулаками по ветровому стеклу, оставляя на нем красные мазки. Перед тем как отключиться, успел увидеть искаженное от ужаса лицо водителя, который наверняка решил, что самый его жуткий ночной кошмар внезапно стал явью.

7

«Я ШЕЛ НА ЗАПАХ» ЗНАМЕНИТЫЙ ПОДКАСТЕР ВЫНЮХИВАЕТ МУСОРЩИКА

Ирония судьбы: преступления Мусорщика (Сирила Уолкера) раскрыты тем самым подкастером, который брал у него интервью для своего эфира.

– Что тебя рассмешило? – спрашивает Сюзи.

Я отвожу взгляд от телефона и смотрю на сестру. Та только рада отвлечься от своего салатика со свежими фруктами, обезжиренным йогуртом и семенами чиа. Мы завтракаем в нашем обычном кафе в Челси, находящемся ровно посередине между моим домом и ее квартирой. Здоровая пища – нечто новенькое. Официант немало удивился, когда сестра заказала подобное блюдо вместо неизменных вафель с двойной порцией шоколада.

– Нет, ничего, – бормочу я и кладу телефон экраном вниз.

Фотография Джонатана, приложенная к редакционной статье, восхитительна: он стоит в саду, улыбаясь кому-то за кадром, и ветерок ерошит его волосы. Снимок старый; сейчас волосы отрасли – сама видела в начале недели на авторском вечере. Пока Джонатан в больнице: пресса сообщает, что Сирил Уолкер ударил подкастера ножом, прежде чем тот успел выскочить из дома.

Эта подробность заставляет меня испытывать еще большее влечение.

– А, знаю, в чем дело! – говорит Сюзи.

– И в чем же?

– Сидишь в «Тиндере»?

– Чего-чего?

– В «Тиндере» или в «Хиндже» – приложениях для знакомств. Или в приложении для поиска сексуального партнера – как оно там называется?

– Понятия не имею. И вовсе не собираюсь туда заходить. Просто читала новости.

– Не ври! Все вижу по твоему лицу, знаю, о чем ты думаешь.

Надо сказать, что Сюзи не в курсе моего маленького хобби. Она никогда не сомневалась в официальной версии смерти Гарольда и о других моих жертвах ничего не слышала. Мы очень близки; шесть лет назад я переехала в Лондон, убегая с места одного из своих преступлений, и сестра присоединилась ко мне уже через три недели. Правда, даже родным сестрам порой требуется хоть ненадолго отдохнуть друг от друга. В любом случае тревожно, что Сюзи способна отгадать по моему лицу, о чем я размышляю. Вдруг планирую убить человека? А если твержу про себя: «не забыть зайти в магазин за лампочками»? Есть какая-то разница в мимике или нет?

– Ну, и о чем же?

– Ты только что увидела фото человека, по которому сходишь с ума. Кто он?

– О, – пожимаю плечами и закрываю страничку. – Так, снимок одного парня на новостном сайте.

– Какого парня? Дай посмотреть!

– Нет уж! Не собираюсь слушать, как ты высмеиваешь мои вкусы.

– А что я могу сделать, если ты совсем не разбираешься в мужчинах? – Сюзи хватается свой смартфон и несколько раз тычет пальцем в экран. – Вот, гляди, какой милый. Точь-в-точь Финли, а?

Она демонстрирует снимок Криса Хемсворта и облизывает губы.

– По-моему, нет.

На самом деле – немного похож, особенно нижняя часть лица. Однако Финли – придурок, и я не намерена поощрять увлечение сестры. Меня вдруг осеняет: именно Финли стал причиной ее внезапного стремления к здоровому образу жизни. Не зря она на той неделе упоминала, что его прошлая подружка была не в пример стройнее.

– Сюзи, ты и без здоровой еды совершенна. Ты хороша именно такая, какая есть.

– Да знаю. – Она тянется к моему телефону. – Какой у тебя пароль?

– А что ты хочешь?

– Загружу «Хиндж».

– «Хиндж»?

– Это приложение для знакомств.

– Нет, не надо.

Я убираю смартфон, и сестра надувает губы.

– Если уже западаешь на мужиков из новостей, тебе обязательно нужно с кем-то познакомиться. Целый год провела отшельницей!

– Ничего подобного. Я встречалась с Томом, а еще с Ридваном.

– Так то еще до Рождества было! Причем оба – редкие зануды.

– Что могу сказать? Люблю занудных мужчин.

– Их никто не любит.

– Ну... я не считала их скучными.

Я лгу. На самом деле один другого стоил.

Последнее время с мужчинами у меня действительно не очень. Сюзи права: вроде попадется приличный, а в конечном счете все равно окажется занудой.

Мне нравятся хорошие мужчины, а они, как правило, скучны. Пожалуй, это главный и весьма трагический парадокс моей жизни.

Мне скоро тридцать, вот и тянет на философию. Подобные временные вехи заставляют женщину задумываться. Должно быть, моя безумная влюбленность в Джонатана Дерозье определяется ходом биологических часов.

– Боишься втюриться, поэтому и выбираешь неинтересных мужчин, – упорствует сестра.

– Знаешь, что такое любовь для гетеросексуальной женщины? Это совокупность лжи и компромиссов.

– Прекрасной лжи, прекрасных компромиссов.

– Не собираюсь заходить на сайты знакомств. – Кладу телефон в карман. – Если только ты сама туда не заглянешь.

Сюзи улыбается, словно кошка, отведавшая сметаны.

– Мне это ни к чему. В следующие выходные Финли берет меня в Париж.

– Если предлагает – это одно. Если едет на конференцию программистов и не возражает, чтобы ты присоединилась, – это немного другое.

– Он предлагает. Будешь доедать? – указывает она на лежащие передо мной яйца по-флорентийски.

– Если клянешься не подписывать меня на сайты знакомств.

Сюзи снова дуется, и я придвигаю к ней тарелку. Никогда не умела на нее обижаться.

– Не хочу отдаваться на милость компьютерных алгоритмов, – объясняю я, а сестра тем временем уплетает мое блюдо. – Сама в состоянии найти подходящего мужчину.

* * *

После завтрака звоню в больницу, представляясь миссис Дерозье, и мне говорят, что он уже выписался. Жду выхода его новой программы, такого эфира об убийцах, который затмит

все остальные выпуски. Шикарный материал для Джонатана – ведь он лично выследил серийного убийцу и даже получил удар ножом.

Жду день, другой. Джонатан не выходит в эфир.

Жду неделю, две.

Тишина. Его нет ни в сети, ни на телевидении. Ни одного интервью в прессе. Как же так? Самая громкая история в карьере, а он, вместо того чтобы выжать из нее максимум, исчезает...

8

Шотландия, три месяца спустя

На первые два звонка Эди, литературного агента, Джон не ответил – даже перенес телефон в тот угол хижины, где не было приема. Затем решил прогуляться вокруг озера. Слонялся, отмахиваясь от мошек, и не возвращался в дом, пока его почти не съели.

Увы, когда прозвучал третий звонок, он успел порядочно выпить, потому и поднес трубку к уху.

– Я уже начала опасаться, что ты меня избегаешь, – хриплым голосом курильщика, потребляющего две пачки в день, сказала Эди.

– Не принимай на свой счет, – буркнул Джон. – Я вообще всех избегаю.

– Да, у меня все нормально, спасибо, что спросил. Как сам? Северное нагорье пошло на пользу?

– Более-менее. По ночам вот не очень. Если не сплю, то неплохо. Звезд здесь тьма-тьмушная, забываешь, что на земле есть люди.

– До сих пор мучают кошмары?

Ответ был настолько очевиден, что Джон просто промолчал. Кошмары преследовали его с той самой минуты, когда он заглянул в холодильник Сирила.

– Сегодня звонила Луиза, спрашивала насчет контракта на вторую книгу, – подала голос Эди.

Луиза была его редактором, однако, пожалуй, эта история ушла в прошлое.

– Я не буду ее писать.

– Необязательно о Мусорщике. О любом другом случае, хотя, естественно, издательство предпочло бы опубликовать материал о деле Мусорщика.

– Я завязал с книгами.

– Ты мог бы взять за основу темы своих эфиров.

– С подкастом тоже покончено. И не только с ним. Я сыт по горло преступлениями, убийствами и маньяками. Они стоили мне брака с Эми и душевного равновесия. С меня хватит.

– Грустно от тебя такое слышать. Издательство попросит вернуть аванс.

– Мне плевать.

– У тебя есть деньги?

– Не знаю.

– Когда мы подписали соглашение, ты был вежливым и энергичным молодым человеком, – вздохнула агент. – Ты восторгался жизнью и страстно желал справедливости. Хотел изменить мир к лучшему... Что случилось с тем Джонатаном?

– Он нашел расчлененный труп и пять отрубленных голов в тот самый день, когда его бросила жена. – Джон потянулся за бутылкой виски и налил новую порцию. – Тут ведь ничего нового. Какой смысл звонить, написала бы по электронной почте.

– На сообщения ты не отвечаешь. Но ты прав – я тебя набрала не для того, чтобы поговорить о новой книге.

– Звучит несколько зловеще.

– Ты хоть раз за эти несколько месяцев получал почту? Я не электронную имею в виду, а обычную.

– Нет.

– С последним письмом ты точно захочешь ознакомиться.

– «Захочешь» – не совсем правильное слово. – Джон сделал хороший глоток.

– Джонатан, скажи правду: ты пьян? Поверь, я не собираюсь тебя винить, хотя сейчас всего-то два часа дня. Просто хочу знать, в каком ты состоянии.

– Я в порядке.

Эди нравилась ему как человек, и даже очень, поэтому он добавил:

– Здесь самое подходящее для меня место.

– Ты там еще не начал разговаривать с овцами?

– Почему сразу с овцами? Тут еще и лососи есть.

– Неужели тебя так довели кошмары...

Мертвые глаза. Запавшие щеки. Восковая кожа. Кристаллики льда на ресницах и голубых кончиках носов...

– Могу спать только после выпивки.

Точно так же говорил и его отец.

– Тебе надо вернуться в Лондон, Джонатан. У тебя здесь друзья.

– Друзья были у нас с Эми. А у меня лично ни одного нет.

– Слушай, ты ведь меня понял. Тебе не следует превращаться в отшельника. У меня дома есть гостевая комната, на двери которой табличка с твоим именем. Можешь пожить у нас с Мардж, сколько потребуется. Только скажи.

– Приеду на суд, если понадобится выступить в качестве свидетеля. Но жить мне лучше здесь.

– Не уверена, что это настоящая жизнь, – мягко сказала Эди.

Самое интересное, что она была права.

– Ладно, – вздохнула агент. – Забери завтра почту, и я еще раз позвоню. Тебе действительно нужно с ней ознакомиться. Я тут кое-кому кое-что обещала. Потом поговорим. Сходи в почтовое отделение, пожалуйста. Можешь сам меня набрать в любое время.

– Пока, Эди. Береги себя.

Джон нажал на кнопку отбоя и, прихватив бутылку, вышел на улицу – насладиться дикой природой.

В словах Эди был смысл, а в его отшельничестве – нет. Только какими он располагал вариантами? Стоило подумать о книге или подкасте, и перед глазами немедленно появлялись пять отрубленных голов и расчлененное тело шестой жертвы, которую выбросили, словно мусор. Он вспомнил стук, с которым один из страшных экспонатов выставки Сирила выпал из морозилки, и слова инспектора Атертона:

«Если вы делаете из убийства гламурный продукт, рано или поздно получаете труп на своем крыльце».

А больше Джонатан ничего делать и не умел. Как и его отец.

* * *

На следующий день он забрал в деревне скопившуюся за две недели почту. Женщина за стойкой, которую явно ничему не научили предыдущие визиты Джонатана, попыталась его разговорить:

– Завтра опять обещают дождь, – начала она, вручая ему пачку конвертов. – Крыша все протекает? Должно быть, ужасно, когда в доме сырость.

Во время ливней дождевая вода просачивалась сквозь прорехи в шифере и стекала по стене кухни. Джонатан постоянно держал пластмассовое ведро у дивана и кастрюлю у кровати – в тех местах, откуда тоже капало. На прошлой неделе обнаружил выросший в ванной гриб, просунувший мягкую шляпку в щель между стеной и полом. В дождь по окнам снаружи ползли прозрачные струи, из-за которых воздух казался серым, а озеро походило на старый железный лист. Джонатану отсутствие цвета нравилось и даже успокаивало: лучше так, чем яркая круговерть, возникающая по ночам перед закрытыми глазами. Лучше запах сырости, чем тот смрад, что отложился в его памяти.

– Обязательно напомню Каллуму Моррису, как только его увижу, – продолжила женщина. – Он худший арендодатель в мире, пальцем о палец не ударит, пока его не пристыдишь.

Джонатан пожал плечами и ничего не ответил.

Заглянул в магазинчик: надо было купить фасоль, бекон, яйца, хлеб, молоко и кофе, а еще пару пачек парацетамола. В отличие от предыдущих дней, задержался у стойки с газетами, глянул на заголовки. Политика, войны, скандалы. Внезапно осознал, что ищет новости об убийствах, и ему стало не по себе.

Поразмыслив, он купил еще одну бутылку виски.

* * *

Джон сел в припаркованный на улице видавший виды «лендровер», включил печку и начал просматривать письма. Он помнил, сколько корреспонденции получал в Лондоне, как она шлепалась на пол сквозь прорезь в двери. Говорят, люди перестали писать письма на бумаге, однако ему приходили счета за газ, электричество и интернет, открытки от друзей, приглашения на свадьбы и крестины. Просьбы о сборе средств, письма от матери Эми и от поклонников, которые переправляли ему Эди и издательство, реклама и прочая макулатура.

Жена обожала листать мебельные каталоги и с удовольствием переставляла хотя бы раз в месяц всю обстановку в доме. Хорошо, что только в воображении. Если почту забирала Эми, то раскладывала ее на кучки: это тебе, это мне, это никому не нужно. Раньше, когда поступала важная корреспонденция, она вскрывала конверт и прикрепляла письмо на холодильник разноцветными магнитиками в форме всякой еды – чтобы Джон, решив сделать перерыв в работе и подкрепиться, обязательно его увидел. Увы, это было давно.

Итак, он получил на почте один большой конверт и еще два пухлых пакета. Точно не от друзей; те немногие, что остались, долго пытались до него дозвониться, пока не сдались. Возможно, они отправляли и письма в электронную почту. Джон не мог сказать наверняка: интернет в хижине не работал, а все приложения из телефона он удалил.

Он догадывался, что содержится в конверте, потому не глядя отложил его на пассажирское сиденье, и письмо лежало, дожидаясь, когда его наконец откроют.

Пластиковые пакеты были подписаны знакомым почерком Эди. Почтовые штампы свидетельствовали, что один из них отправлен две недели назад, другой – позавчера. Сперва Джон открыл тот, что пришел давно, и мельком глянул на выписку о выплате авторского вознаграждения, которое теперь составляло его единственный источник дохода. Эти деньги он жертвует Службе поддержки жертв преступлений. Там же лежало требование выплаты по кредитной карте и выписка с банковского счета – и то, и другое поступало его агенту. Он не стал их изучать – и так понятно, что в первом документе цифра существенная, во втором – незначительная. Впрочем, извещения от банка зачем-то открыл. Наверное, по привычке; а может, в душе шевельнулось чувство долга – Джон раньше стремился вовремя оплачивать счета и контролировать расходы.

Он вытряхнул из пакета десяток писем от поклонников и просмотрел их без особого интереса. В четырех содержались просьбы взяться за расследование нераскрытых дел – трех убийств и поджога. К одному из писем была приложена кучка пожелтевших вырезок из газет. Еще несколько месяцев назад они наверняка пробудили бы в нем охотничий инстинкт.

Запершись в кабинете и плюнув на скучающую жену, он обмозговал бы каждый нюанс.

Его взгляд упал на два знакомых голубых конверта, на которых аккуратными большими буквами были выведены адрес Эди и фамилия Джона. Отправитель – Саймон Симонс – с завидной регулярностью писал ему уже несколько лет. Запихнув все, кроме выписки о вознаграждении, обратно, Джон открыл второй пакет.

Именно о нем и говорила Эди. Снова несколько писем от Саймона, еще четыре – от других фанатов и один белый конверт с липкой бумажкой для записок.

Джонни, прочти обязательно. Прошу тебя. Э.

Это письмо он положил рядом с выпиской и большим нераспакованным конвертом, затем сгреб в кучу все остальное, вышел из машины и выбросил макулатуру в ближайшую урну.

Вернувшись в коттедж, Джон сварил крепкий кофе и плеснул в него виски. Проглотил две таблетки парацетамола и заставил себя сесть за обшарпанный стол. Надо просмотреть почту. Он переводил взгляд с одного письма на другое, сознавая, что их содержание ему вряд ли понравится.

Наконец, выругавшись, открыл бумажный конверт, на котором отправителем значился адвокат Эми. На долю секунды в нем зародились безосновательные надежды, однако беглый взгляд на лежащий внутри бланк лишь подтвердил первоначальные опасения. Джон отодвинул его в сторону и взялся за пластиковый пакет, который Эди советовала получить как можно быстрее. Прочтя послание, отпечатанное на одном листе, издал низкий отрывистый звук, напоминающий рычание попавшего в западню дикого животного.

Вскочил из-за стола, опрокинув стул, подхватил оба письма, бутылку виски и, открыв ногой дверь, вышел на воздух. Надвигалась буря.

9

Я караулю у почтового отделения, и наконец Джон выходит на улицу. Он серьезно похудел с того дня, когда я видела его последний раз, и все же не узнать его невозможно. Выглядит жутко. Одежда болтается, как на вешалке, волосы в беспорядке, будто не расчесывался уже с месяц. Неопрятная борода, большие темные круги под глазами.

И все же он невероятно, неправдоподобно красив.

По сторонам не смотрит, проходит мимо моего «BMW» и открывает дверь в маленький магазинчик. Рисковать не следует – я увидела достаточно, и все же выскальзываю из машины и следую за ним. Джон сосредоточенно идет по проходу между стеллажами, снимает с полок упаковки и бросает в корзину так, словно покупки его раздражают. Выбор продуктов так себе. Неудивительно, что он отощал.

Не боюсь, что меня заметят: он смотрит прямо перед собой и останавливается лишь раз, изучая заголовки газет на стойке с прессой. Я осторожно держусь у него за спиной. Волосы у Джона отросли и падают завивающимися локонами на ворот куртки; ботинки заляпаны грязью. Пахнет от него дымом и сыростью. Я задерживаюсь у полки с журналами, делая вид, что интересуюсь диетами для похудения и модными в этом сезоне покроями джинсов. Джон движется дальше, и меня обдает новой волной характерного запаха. На секунду закрываю глаза и вижу, как он сидит на полу, скрестив ноги. Подкидывает в очаг дровишки, вокруг него пляшут тени, а в зрачках отражаются языки пламени.

Продукты Джон берет недорогие, зато на дешевую выпивку даже не смотрит – кладет в корзину односолодовый виски. Парнишка у кассы пытается завязать разговор – мол, вот-вот начнется буря, – однако Джон не обращает на него ровно никакого внимания.

Наконец он выходит из магазина. Я быстро покупаю бутылку воды и пакетик мятных леденцов, дружелюбно киваю кассиру и открываю дверь. Джон идет к потрепанному грязному «лендроверу», явно купленному не в салоне. Торопиться мне некуда, сажусь в машину и не спеша открываю бутылку. Джон некоторое время сидит за рулем не трогаясь – что-то читает.

Нравится он мне давно, потому я и разыскала его в этой заднице мира, но сейчас меня разбирает как никогда. Наверное, потому что уже несколько месяцев не видела – с того самого дня, когда закрутилась заварушка с Сирилом Уолкером – и в нем, на мой взгляд, что-то изменилось.

То ли двигается не так, как раньше, то ли выглядит словно боксер, получивший жестокий хук и еще не поверивший, что оказался в нокауте. Сердит, но не агрессивен; худой, но сильный – широкие плечи и мускулистые руки никуда не делись.

Неужели меня заводит его отчаяние?

– Что ты забыла в Шотландии? – спросила сестра, когда я поделилась с ней планами. – Хочешь промокнуть, как губка?

– Собираюсь кое-кого повидать, – ответила я, и Сюзи тут же встрепенулась.

– Кого? Это мужчина? Скажи, что мужчина!

– Возможно.

Сюзи откинулась на спинку дивана.

– Шотландец? У них такой сексуальный акцент! Даже кажется чуточку опасным. – Она наставила на меня палец. – Хочу, чтобы ты выбрала себе в Шотландии опасного сексуального мужчину.

– Просто нужно помочь одному человеку, – ответила я и слегка подмигнула.

Сюзи осталась довольна и больше мне приложениями для знакомств не угрожала.

Джон вдруг выпрыгивает из машины, бежит к урне и пихает в нее какие-то бумаги. Потом возвращается к «лендроверу» и трогается с места. Судя по звуку, ему следует поменять под-

шипники. Догнать его – раз плюнуть, поэтому я выжидаю, пока он отъедет, потом иду к той же урне и выбрасываю пустую бутылку, предварительно вытащив смятые банковские выписки и скомканные почтовые конверты.

* * *

На перекрестке Джон сворачивает налево, и я, соблюдая дистанцию, некоторое время следую за ним. Дальше дорога становится ухабистой – на низкой машине не проедешь. Приходится топтать пешком.

«Лендровер» припаркован у одноэтажного беленого домика. Побелка осыпалась – ее давно пора обновить. Хижина стоит на отшибе и больше походит на хлев, чем на человеческое жилище.

...Вернувшись на асфальтированную дорогу, я с удовольствием жму на газ. Наконец можно разогнаться, не боясь угодить в яму – мотор позволяет. Движения почти нет, разве что ползут несколько тракторов, и я добираюсь до Инвернесса меньше, чем через час. У меня еще куча времени. Приют для животных – приземистое уродливое здание, обнесенное забором из металлической сетки, – находится на окраине города. Я выбираюсь из машины под дружный лай.

Сообщаю свою фамилию женщине за стойкой. Разглядываю ее заколку с изображением котят, удерживающую разваливающуюся прическу в стиле принцессы Леи. Женщина смотрит на меня раздраженно.

– Я ждала вас вчера, – говорит она, шаря по столу в поисках моих документов.

Найти их не так-то просто – столешница завалена кучей папок, флаконами с антисептиком и коробками с бумажными платками. Видимо, перед моим приходом здесь распрыляли дезинфицирующие средства – в холле стоит легкий туман.

Я действительно планировала прибыть вчера, однако Джонатан Дерозье за почтой отправился лишь сегодня.

– Обстоятельства задержали, извините. Сама разочарована, ведь все подготовила – корм, лежанку и так далее. – С застенчивым видом продолжаю: – Наверное, это глупо, но сегодня ночью дом показался таким пустым. ... Надеюсь, что уже вечером избавлюсь от одиночества.

Наконец хозяйка приюта улыбается.

– Благослови вас Господь. Знаю, что вы чувствуете. Когда решишься, терпеть уже не смогу. Ну что ж, она готова, ждет в задней комнате.

– Э-э-э... она? – Я на секунду впадаю в замешательство. – Думала, что беру мальчика.

– Ах, нет. Для вас приготовили суку – это что-то меняет?

– Нет-нет. Ничуть. Люблю сук.

– Очень милая девочка, скажу я вам. Стерилизованная, разумеется. Сама ее взяла бы, но у меня уже три.

– Наверное, у вас забот выше крыши, – старательно играю свою роль, даже имитирую акцент хозяйки приюта.

– Точно. Все найденыши. Лабрадор Джесс, стафф Уго – у нас их полно, и у всех отличный характер. Уго – просто милашка. В прошлом году взяла Диггера – в том всяких кровей намешано. Настоящий сгусток энергии, но остальные с ним прекрасно ладят. В общем, скучать не приходится.

– Жду не дождусь, когда заберу свою девочку. Полюблю ее с первого взгляда.

– Раньше у вас были собаки?

– Нет, никогда, – честно отвечаю я.

– Значит, вам уже и вправду невтерпеж. – Она вдруг хлопает себя по лбу. – А я-то, дурочка, вас задерживаю своей болтовней. Посидите еще минутку, сейчас выведу вашу питомицу. Ошейник с поводком приобрели?

Молча предъявляю необходимые аксессуары.

– Прекрасно! Наша малышка не доставит вам никаких хлопот. Характер у нее чудесный, редко встретишь подобную собаку. Вернусь через секунду.

Я жду, стараясь не дышать через нос, хотя вонь чувствуется и так: химический аромат освежителей смешивается с запахом мочи, который призван замаскировать. Разглядываю фотографии животных на стенах. Почти все – с новыми хозяевами. Тут же висят и благодарственные отзывы. Выражения морд самые разные: от идиотского блаженства до угрюмой апатии. Владельцев же друг от друга не отличишь – все излучают маниакальное счастье.

Наконец в коридоре раздаются тихие шаги хозяйки, обутой в тапочки на резиновой подошве, и цоканье когтей. Принцесса Лея выходит в холл с коротколапой коренастой собакой. Похожа на корги, но шерсть жесткая, как у терьера, а нос приплюснутый, словно у бульдога. Окрас – белый с коричневым, пушистый купированный хвостик. Морда белая, однако вокруг левого глаза рыжее пятно. Одно ухо стоит торчком, другое висит. В общем, собаченция уродлива как черт – неудивительно, что на нее не находилось желающих.

Увидев меня, животное начинает бешено вилять хвостом и вываливает длинный язык.

– Признала! – восклицает принцесса Лея. – Ну, пятнистая, – нараспев говорит она собаке, – поздоровайся со своей мамочкой.

Я присаживаюсь на корточки и вытягиваю руки.

– Привет, милая!

Подражаю воркованию хозяйки приюта, и, к моему облегчению, псина срывается с места и бросается в мои объятия. Кладет лапы на колени, лижет щеки и волосы и шумно дышит прямо в лицо. Я смеюсь, безуспешно пытаюсь сдержать натиск, и в итоге получаю еще несколько поцелуев.

– Приветствует, – удовлетворенно вздыхает Лея. – Она вас просто обожает – что значит любовь с первого взгляда! Уверена, вы вдвоем будете счастливы.

Расстилаю на заднем сиденье одеяло, чтобы собака не порвала и не обгадила кожаный салон, и она прыгает в машину. Я разглядываю питомицу – та доверчиво сидит, тяжело дыша и высунув розовый язык.

На какие только ухищрения не пойдешь, чтобы организовать встречу с понравившимся тебе парнем...

– Ну, извини, если что, – бормочу я.

10

Женщина в почтовом отделении не шутила: тучи, налезая друг на друга, заволокли небо, и над озером стало темно. Джон уселся на большой камень на берегу, наблюдая, как стена дождя идет над водной гладью, вычерчивая геометрически прямую линию. Перед ней поверхность озера еще зеркально гладкая, хоть и серая, а там, где ливень вступил в свои права, – провалы и гребни, как на проселочной дороге. До и после...

Что было «до»? Жена, карьера, дом, жизнь с определенной целью, во имя справедливости. Потом кто-то провел линию, за которой все изменилось. Кровь, расчлененные тела и письма в кармане куртки.

«Не надоело каждую бурю воспринимать как метафору?» – проворчал внутренний голос.

Джон откупорил бутылку виски и приготовился сделать глоток.

Ветер трепал траву и вереск, тучи приближались к одинокой хижине. Мир окрасился в серые, коричневые и фиолетовые тона. Еще немного, и Джона промочит до нитки, однако пока до берега ливень не добрался. Пожалуй, он посидит еще, а потом наперегонки с бурей пустится к дому.

– Ну, за метафоры и за самобичевание, – произнес тост Джон, отсалютовав бутылкой темному небу, и нахмурился.

Вдалеке появилась фигурка человека, с трудом пробирающегося по размокшей дороге. Красная куртка, желтая шляпа... Неподходящая погодка для одиноких прогулок! Джон раздраженно встал. Дорога вела прямо к дому, и путник доберется до него минут через десять.

Незнакомец, заметив его силуэт у берега, принялся размахивать руками и ускорил шаг.

Джон инстинктивно убрал бутылку под куртку и заторопился навстречу терпящему бедствие. Человек оказался стройной женщиной в туристической экипировке, с небольшим рюкзаком за плечами. Цвета спрятанных под шляпу волос Джон не разглядел.

– О, слава Богу, – приблизившись к нему, выдохнула путешественница. Спереди ее куртка была измазана, словно женщина по пути разок упала. С шеи свисала карта в пластиковом футляре. – Уже боялась, что никого здесь не найду!

– Что случилось?

– Я гуляла по восточному берегу и вдруг услышала стоны. Пошла проверить и наткнулась на яму – то ли старый шурф, то ли колодец. Их здесь полно.

Неужели в колодец провалился ребенок? Не задав ни единого вопроса, Джон бросился в том направлении, куда указывала женщина. Та кинулась за ним, вцепившись руками в ляжки рюкзака.

– Сюда, – крикнула она. – Он не может выбраться, а я не в состоянии туда спуститься. Поблизости никого не было, да еще и телефон здесь не ловит. Вот и побежала за помощью.

Они пересекли линию дождя; ливень шел стеной. Куртка Джонатана промокла за считанные секунды, пока он перепрыгивал через лужи и текущие по мокрой земле ручейки. Женщина вырвалась вперед и повела его по тропе, извиляющейся между валунов, едва заметных в пропитавшемся влагой сером воздухе.

Хныканье он услышал, еще не добравшись до ямы. Под землей кто-то скулил – тоненько и испуганно. Слава богу, не ребенок, с облегчением понял Джон и подсознательно замедлил шаг. Однако женщина продолжала идти на звук, не обращая внимания на барабанивший по плечам дождь, и он последовал за ней.

Стенки ямы оказались сырыми, скользкими и крутыми. Джон присел на корточки и бросил взгляд вниз. На дне, в отблесках мутной жижи, мелькнула белая шерсть.

– Собака...

– Наверное, сорвалась вниз, – предположила женщина. – Смотрите, там полно воды. Надеюсь, она не сломала лапу.

– Никого по пути не видели? Может, хозяин ее уже ищет?

– Я отправилась в поход вокруг озера с самого утра и ни одной живой души не встретила. А потом услышала жалобный писк.

Выговор у нее был странный – не факт, что американский, и не совсем английский, но в голосе точно звучала паника. Джон присмотрелся к яме: стенки почти отвесные, глубина небольшая – максимум футов двенадцать. Если это и был ствол старой шахты, то он давно обвалился. Лаз узкий, и все же человек пролезет. Возможно, даже человек с собакой.

– У вас в рюкзаке случайно нет веревки? – спросил он, и женщина покачала головой. – Тогда мне потребуется ваша куртка.

Джон ожидал, что незнакомка воспротивится, но та моментально скинула верхнюю одежду, оставшись в более-менее сухой флиске. Он снял свою куртку, которая от дождя не защищала совсем, и бросил на тропу почти полную бутылку. Связав рукава, изо всех сил затянул узел и взялся за свою футболку, но женщина его остановила:

– Возьмите вот это, все равно она сейчас промокнет.

Она сбросила флиску, и Джон привязал ее к импровизированному канату. Футболку все-таки добавил – на всякий случай.

– Вы собираетесь лезть вниз?

– Вряд ли сюда пришлют вертолет со спасателями, – усмехнулся Джон. – Держите за конец. Вам придется тянуть нас вверх.

Спуск оказался труднее, чем он ожидал: из стен торчали корни и камни. Порвав брюки и расцарапав спину и колени, Джон добрался до дна. Здесь было тесно и темно, только сверху едва виднелось серое небо. Они с собакой едва уместились в узком вертикальном колодце. Дрожащий пес, стоящий по шею в воде, тем не менее завилал обрубком хвоста.

– Извини, дружище, – пробормотал Джон, нагнулся и подхватил собаку правой рукой.

Псина взвизгнула, однако не укусила. Ее маленькое тельце тряслось от холода, шерсть намокла и испачкалась. Черт его знает, сколько животное сидело в этой яме, пока она заполнялась грязной водой...

Длины импровизированной веревки хватило: ее конец покачивался у плеча Джона.

– Мы поднимаемся! – крикнул он. – Будьте готовы нас вытягивать.

Ему вдруг пришло в голову, что стенки ямы слишком скользкие – так просто по ним не вскарабкаешься. А женщина не столь сильна, чтобы вытащить их с собакой наружу. Поврежденное плечо ситуации тоже не упрощало.

Делать было нечего, и он начал искать опору для ноги.

Корни, затруднявшие спуск, неплохо помогали при подъеме. Правда, руку он мог использовать лишь одну, поскольку второй держал собаку. Они поднялись достаточно высоко, и вода на дне осталась далеко внизу. Джон обернул футболку, привязанную к флиске, вокруг правого предплечья – слава богу, эту руку убийца ножом не задел.

– Потянете, когда скажу! – крикнул он.

Лившаяся сверху вода попала ему в рот, и Джон, опустив голову, сосредоточился на поиске следующей опоры.

Собака прижалась к его боку, дрожа и не издавая ни звука. Наконец Джон ухватился за торчащий сбоку камень, подтянулся, и тот вывалился из мокрой стены. Они соскользнули на несколько футов вниз. Обмотанная вокруг руки футболка не дала им свалиться на дно, однако ботинки погрузились в воду.

– У вас все нормально? – крикнула сверху женщина.

– Пока живы! – ответил Джон.

Видимо, незнакомка нашла, к чему привязать конец веревки, иначе он точно плюхнулся бы на задницу прямо в грязную лужу. Уровень воды между тем поднимался примерно с той же скоростью, что они лезли вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.